

№7-8

Июль-август 2007

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**ФЕСТИВАЛЬ
СОСТОЯЛСЯ,
ФЕСТИВАЛЮ
БЫТЬ**

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнатзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№7-8 (22-23)
июль- август 2007

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛИМПИАДА	СОЧИ - СТОЛИЦА ЗИМНИХ ИГР	4
ФЕСТИВАЛЬ	ЧТОБЫ НЕ ПРЕРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН	6
ФЕСТИВАЛЬ	ПОЭТИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ В ГРУЗИЮ	7
ФЕСТИВАЛЬ	СТРАСТИ ПО ФЕСТИВАЛЮ	11
МАСТЕР-КЛАСС	СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ	14
МАСТЕР-КЛАСС	БОРИС ХЕРСОНСКИЙ	18
МАСТЕР-КЛАСС	АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ	23
ФЕСТИВАЛЬ	«В ГРУЗИИ ТЕБЯ ЗАСТАВЛЯЮТ ЧУВСТВОВАТЬ!»	28
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	АПОСТОЛ АТОМНОГО ВЕКА	31
ТРАДИЦИЯ	ПЕСНЯ О САМЕГРЕЛО	34
МИР РУССКОГО СЛОВА	КОРНЯМИ УХОДЯЩИЕ В ПРИРОДУ	36
БАЛЕТОМАН	БАЛЕТ, БАЛЕТ, ТЫ БОГ МОЙ!	40
НАЧАЛО	ОРГАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРЕДЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ	44
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	БИ-БИ-СИ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ	48
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	МЕЧТЫ И СВЕРШЕНИЯ	50
О, СПОРТ!	«ГОМЕР ЖИЛ В НАШЕЙ КВАРТИРЕ»	53
ПРОЩАНИЕ	ГЛАДИАТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ	56

На обложке – граф Петр Петрович Шереметев, председатель президиума Международного совета российских соотечественников

СОЧИ - СТОЛИЦА ЗИМНИХ ИГР

Международный
олимпийский комитет
избрал Сочи местом
проведения зимних
Олимпийских игр
2014 года

Вячеслав Коваленко и Николай Свентицкий

ЧТОБЫ НЕ ПРЕРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РФ В ГРУЗИИ ВЯЧЕСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОВАЛЕНКО - КОРРЕСПОНДЕНТУ «РК»

- Как Вы оцениваете прошедший Международный русско-грузинский поэтический фестиваль?

- Мне кажется очень значимым, что поэтический фестиваль прошел в Год русского языка, и его открытие совпало с днем рождения Пушкина. Это была маленькая изюминка, которую организаторы специально приготовили для всех, кто пришел на торжество и с удовольствием слушал великолепные поэтические строки.

Видимо, не случайно, что российско-грузинский поэтический фестиваль открылся в Батуми. Сама настроенность людей на то, чтобы так самозабвенно воспринимать поэзию, это подсказывала. Мне кажется, он прошел удачно еще и потому, что все было хорошо подготовлено. Но, прежде всего, это заслуга «Русского клуба» во главе с его бессменным руководителем Свентицким Николаем Николаевичем. Удалось собрать знаковых поэтов, они читали свои стихи на русском и грузинском языках. Стихи, явившиеся как бы откликом на постоянные вопросы, которые люди ежедневно задают себе. И, наверное, поэтому успех был значительным. А еще потому, что современная поэзия перекликалась с классической русской поэзией, с такими величайшими поэтическими гениями, как Пушкин, Лермонтов, Пастернак.

Великолепным было представительство поэтов - США, Бенин, Италия, Чехия, Россия, Израиль, наконец, блестящая плеяда современных грузинских поэтов, в числе которых патриарх аджарской поэзии Фридон Халваши. Честно говоря, я получил огромное внутреннее удовлетворение от общения не только с участниками фестиваля, но и со зрителями, а вернее слушателями, которые пришли на этот фестиваль. Меня поразила та открытость и тот удивительный настрой батумцев, которые так искренне воспринимали поэзию. Чувствуется ностальгия по таким встречам,

их должно быть больше, вне всякого сомнения. Мы должны сделать все, чтобы не прервалась связь времен, как принято говорить. Чтобы мы не потеряли то большое и ценное, что в нашей совместной жизни и в жизни наших народов было еще совсем недавно: это духовная общность, которая насыщала наш общий поэтический мир, это культурные и спортивные мероприятия, это та бурная культурная жизнь, которая объединяла наши народы. Я надеюсь, что к энтузиастам, которые организовали проведение этого фестиваля, подключатся новые люди из числа как грузинской, так и российской общественности. Что касается Посольства России в Грузии, то мы, конечно, будем принимать самое активное участие

в проведении подобных мероприятий, т.к. считаем, что изменение культурного фона в сторону его расширения, углубления, несомненно, откроет нам новые возможности, новые горизонты для развития двусторонних отношений между Россией и Грузией.

- А сами Вы любите поэзию?

- Да, конечно. Я большой поклонник

поэзии, большой любитель хорошей книги. И на открытии фестиваля я с удовольствием читал отрывок из «Медного всадника». Это мое любимое пушкинское произведение. Честно говоря, я читал его, наверное, тысячу раз, но для себя, и мне очень хотелось когда-нибудь прочитать его на публике. Поэтому это мой дебют и он получился как-то сам собой. Мы говорили с господином Свентицким о фестивале, и я спросил: «Могу ли почитать что-нибудь из Пушкина?» Он сказал: «Конечно, это будет замечательно». Так и случился мой дебют. И я очень рад.

- Как Вы себя чувствуете на грузинской земле?

- Очень хорошо. Дело в том, что буквально каждый день от моих многочисленных контактов с грузинами из самых разных слоев общества я ощущаю такую открытость и тягу к русскому народу. Это проявляется во всем – не только в традиционном грузинском гостеприимстве, но и в том массовом интересе и огромном желании участвовать в мероприятиях, которые организуются здесь по линии культурных связей. Их в последнее время стало больше, но еще недостаточно. У людей чувствуется большая ностальгия по общению с русской культурой. Мне кажется, нужно удвоить, утроить усилия, чтобы сделать эти встречи регулярными. Я думаю, мы сделаем большое и доброе дело и для грузинского общества, и для русского, если подобные фестивали станут регулярными не только в Грузии, но и в России. Во всяком случае, мы будем к этому стремиться. Здесь дорогу осилит идущий.

О. Чиквишвили, В. Коваленко, Е. Майзель, Г. Кочофа, П. Шереметев

Поэтический десант в Грузию

Крылатая фраза советских времен: «О Грузии забыв неосторожно, в России быть поэтом невозможно» теперь потеряла былую актуальность. За годы политических разногласий, визового режима, «революции роз» крылья у этой крылатой фразы сильно поослабли. Как и связи двух стран. Грузия на просторах России гремит нынче только запретами: вино, «Боржоми», отмена почтового и прямого авиасообщения плюс визовый занавес. Слава Богу, занавес односторонний: Грузия для всех открыта, для россиян тоже - берешь визу в аэропорту, и гуляй себе...

К счастью, на культуру никакие запреты не распространяются. Чем и пользуется творческая элита, заодно поддерживая статус русского языка, как языка межнационального общения, языка-посредника между грузинским и любым другим языком. Искусство и литература не знают границ. А уж поэзия – тем более. Да еще в Грузии, где было столько поэтических пересечений! «Тифлис горбатый» снился не только Мандельштаму, но и поэтам-предшественникам и последующим. Потому и пришла в некоторые светлые головы, не затуманенные политикой, сногшибательная идея - собрать на земле Грузии русскоязычных поэтов со всего света и провести Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Да еще в год русского языка, объявленный Россией! Разумеется, подготовка шла на уровне неправительственных организаций, но со свойственной Грузии широтой и гостеприимством.

Инициаторами и организаторами такой акции стали Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», президентом которого является Николай Свентицкий (Грузия), и Международная Федерация русскоязычных писателей, возглавляемая Олегом Воловиком (Венгрия). Задачи фестиваля понятны – поддержать давние традиции, связывающие грузинскую и русскую культуры, познакомиться с творчеством русскоязычных поэтов из разных стран, наладить взаимный процесс перевода.

Массовый культурный десант представителей Бенина, Венгрии, Греции, Израиля, Италии, Литвы, России, США, Украины, Франции, Финляндии, Черногории, Чехии, Швеции и, конечно, при участии ведущих грузинских поэтов успешно высадился в Тбилиси и в Батуми.

Тбилиси встретил гостей проливным дождем, пресс-конференцией в РИА «Новости» и вечерним поездом на Батуми. Зато следующий день в Батуми очаровал мягкой июньской жарой, тихим ласковым морем и букетами цветов от мэрии Батуми. Надо сказать, что теплый прием и внимание, оказанное мэром Батуми, региональными властями Аджарии и просты-

В.Церетели, Е.Майзель, Г.Иналишвили, А.Аллева

ми жителями, были особо отмечены иностранными участниками.

Одним из самых значительных лиц на открытии фестиваля был граф Петр Петрович Шереметев, потомок древних родов Рюриковичей и Романовых, с 2003 года председатель президиума Международного совета российских соотечественников. Шереметев прибыл из Франции всего на полтора дня специально на открытие фестиваля. А далее МСРС представлял исполнительный секретарь Вячеслав Дурнев. Открытие проходило на Приморском бульваре при большом стечении жителей города, телекамер, под звуки музыки и стихов Пушкина – ведь это был день рождения великого поэта, и торжество было специально приурочено к этому дню. Короткие приветствия, возложение цветов к памятнику, но главным стержнем были пушкинские стихи.

Начало было интригующим: стихи читал с приятным акцентом и пылкостью сердца темнокожий участник фестиваля в национальном костюме Габриэль Кочофа, уроженец Бенина, давно ставший гражданином России

– в общем, биография, как у предка Пушкина. Этот этнографический момент произвел должное впечатление. Неожиданностью было и выступление посла России Вячеслава Коваленко, который не произносил громких речей, а просто читал вступление к «Медному всаднику». Тон фестивалю был задан, и политическая тематика здесь исключалась полностью. Это была только культурная акция, хотя и очень масштабная.

Батумский драматический театр им. И.Чавчавадзе на два вечера был занят гостями, но еще больше -

На пресс-конференции в РИА Новости

зрителями. Первый вечер воскресил память об Александре Вертинском: актриса Тбилисского театра им. А.С.Грибоедова Ирина Мегвинетухуцеси показала моноспектакль «Желтый ангел». Зрители по достоинству оценили и ее игру, и интерпретацию знакомых текстов и мелодий, ставших классикой шансона. Следующий вечер был полностью отдан поэтам – шло освоение новых поэтических пространств, звучали стихи и песни прибывших из разных точек земли поэтов, которых объединял русский язык. Здесь выступали московские поэты – Сергей Гандлевский, Елена Исаева, Артур Макаров, петербуржец Алексей Пурин, знаменитый Давид Маркиш из Израиля, поэт и музыкант Геннадий Норд (Канада), не расстающийся с гитарой Юлий Зыслин (США), поэты Алексей Цветков (Чехия), Юрий Кобрин (Литва), сразу две представительницы Италии – Аннелиза Аллева и Александра Петрова, Римма Маркова из Швеции

в объект открытий, благодаря экскурсиям, морским прогулкам и, конечно, поездке в Верхнюю Аджарию. Горные пейзажи с водопадами и стиснутыми в ущельях реками – фотоаппараты гостей старались ничего не упустить. Но главное для них открытие – это живущие здесь люди, их прием, их душевная щедрость.

Участники фестиваля в Батуми

Мэр Батуми Ираклий Таварткиладзе и Николай Светицкий

и Татьяна Перцева из Финляндии, Олег Цыбенко (Греция), Борис Херсонский (Украина).

Временами на сцене слышалось гортанное звучание грузинского языка вперемежку с русским в стихах Нико Гомелаури, интерес слушателей подогревал неугомонный Котэ Кубанеишвили, свои стихи читали Алик Дарчиашвили, Шота Иаташвили, Звиад Ратиани, Зураб Ртвелиашвили, а место почетного патриарха аджарской поэзии по праву занимал Фридон Халваши. Для гостей в звучании грузинских стихов была особая прелесть – они говорили потом, что ловят музыку слова, невероятную экспрессию стиха, его мощную энергетику. В финале вечера уже знакомый нам гость из Бенина продемонстрировал поэзию, переложенную на жесты и пластику его далекими африканскими предками. Это был национальный танец, где раскрыта картина человеческого бытия на земле.

Гости были окружены вниманием не только на литературных чтениях. Аджария для тех, кто никогда не бывал здесь, из неопознанного объекта превратилась

Фольклорные концерты, которые устраивались в затененных уголках Аджарии, – были самыми поразительными для гостей. Известный детский танцевальный ансамбль «Хоруми» восхитил отточенностью пластики и слаженностью каждого движения, особенно тех, кто видел грузинские танцы впервые. Они были особенно впечатляющими на фоне древней крепости Гонио, где выступал ансамбль на специальной площадке под шатром.

А местные народные самодеятельные ансамбли были хороши тем, что без всяких сценических условностей располагались прямо на природе. Грузинское многоголосье среди гор и народные танцы, когда гости не только отбивали такт ладонями, но и сами пускались в пляс, пытаясь подражать движениям неведомого им танца, – разве это изгладится из памяти? У поэтов все это наверняка отзовется в стихах.

Батуми запомнился еще одной важной встречей – участников фестиваля почтил своей аудиторией Католикос-Патриарх Всея Грузии, Святейший и Блаженный Илия II, находившийся в это время в Батуми. Надо было видеть лица людей после этой встречи – просветление и смирение коснулось всех.

Потом фестиваль опять закружил участников, но уже в Тбилиси. Хотя ниточка связи с Илией II не прервалась – участник фестиваля Валерий Новоскольцев, официальный представитель МФРП в Черногории вручил Патриарху Орден десницы святого Иоанна Крестителя. В Тбилиси у гостей фестиваля были свои открытия – музеи и достопримечательности старого города, поездки в древнюю столицу Мцхета, в дом-музей А.Чавчавадзе, знакомство с виноделием в Ка-

хетии на заводе «Алаверди» - ибо без «виноградной косточки» какая же это Грузия...

Но главное, на протяжении десяти дней шло активное общение поэтов, их узнавание друг друга, шел интеллектуальный и эмоциональный обмен, звучали стихи. Связующим для всех было слово, но в нем для каждого своя философия, свое восприятие мира и свои открытия - и себя, и других. Так что несмотря на политические завихрения, прерванный диалог легко восстанавливается. связующим звеном в межкультурном диалоге

Это особенно ощущалось на встречах с ответственностью. Тбилисская публика имела возможность познакомиться с самими поэтами и услышать их стихи и песни в авторском исполнении. В Тбилисского госуниверситете прошла встреча участников фестиваля со студентами, а главная презентация прибывших поэтов состоялась в помещении театра Царского подворья. Надо сказать, что само это необычное здание, старина, естественно вместившая интерьерный и творческий авангард, произвели на гостей сильное впечатление. А на слушателей - их стихи. Со сцены театра звучала неизвестная для широкой публики русская поэзия. Надо сказать, что среди участников фестиваля были тбилисские поэты, пишущие на русском, это председатель секции русских литераторов Союза писателей Грузии, кавалер Ордена Чести поэт и переводчик Натан Баазов и Инна Кулишова.

В заключение фестиваля прошел круглый стол

интерес к языку, но он обеспечивает распространение языка.

Другие, например, Габриэль Кочофа, уроженец Бенина, получивший образование в Москве, считает, что без поддержки правительства невозможно распространение русского языка в других странах. Он вспоминал недавнее прошлое, когда в странах третьего мира при российских посольствах действовали центры культуры, их поддерживали выпускники российских вузов, некоторые из них стали президентами, и русский язык и культура имели там огромный спрос. Почему сейчас российские культурные центры закрыты? Зато на французском языке в любом университете можно слушать диски с лекциями на разные темы, что обеспечивает правительство Франции.

Эту тему поддержали и другие участники, а также грузинские поэты, говорившие, что в Тбилиси активно работают французский Центр Дюма, немецкий Институт Гете, где есть библиотеки, курсы по изучению языка, программы для студентов, гранты. А почему правительство России ничего подобного не предпринимает,

Орден десницы Святого Иоанна Крестителя

Валерий Новоскольцев на церемонии вручения Ордена десницы Святого Иоанна Крестителя Патриарху

чтобы сохранить русский язык в Грузии, а с ним и духовную общность, два века соединявшую народы? Почему получается так, что за действия политиков наказывается русский язык?

Поэтов волновало также состояние русского языка и в самой России, где язык теряет свою литературную первооснову, где исчезают литературные нормы языка, а взамен идет «гламурно-приблатненная феня» - сленг, понять который можно будет только со словарем. На это слышались возражения: «Да, феня, но это живой язык, а не музейный». Но в то же время

«Роль русского языка в современном литературном пространстве», где в разных аспектах шли дискуссии о сохранении русского языка и его востребованности сегодня в ближнем и дальнем зарубежье. Одни утверждали, что интерес к языку вызывается необходимостью экономических контактов, и только развитие бизнеса может обеспечить сохранение русского языка за пределами России. Да, это потребительский

все опасаются, чтобы русский язык не превратился в «уличного хулигана».

У представителей стран Запада свои проблемы - распространение художественной литературы на русском, доступ к ней выходцев из России, чтобы их потомки сохранили родной язык. Почему арабы в третьем поколении сохраняют свой язык, где бы они ни жили, а русские - нет? Кто-то возлагает от-

ответственность за это на государство, не принимающее никаких мер по его продвижению, распространению? Но все сошлись на том, что и самим надо искать практические шаги. Как, например, Юлий Зыслин (США), создавший «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки», «Аллею русских поэтов и

В Доме-музее Елены Ахвледiani

Зажигательные грузинские танцы

Застолье

композиторов», он же инициировал «Русские сезоны камерной музыки в Вашингтоне». Или Геннадий Норд (Канада), удостоенный звания «поэт 2002 года русского зарубежья», который стал инициатором установки памятника Пушкину в Монреале.

Итогом дискуссии были предложения: а почему бы диаспорам не открыть русские поэтические кафе в городах проживания? Хорошо бы организовать совместные литературные премии. И, конечно, нужно проводить мастер-классы для начинающих поэтов и литераторов. Поступило еще одно замечательное предложение: издавать журнал для семейного чтения с параллельными текстами – на русском языке и на языке страны проживания, как это делается в Нью-Йорке. В этом случае родители учат детей русскому, а ребенок поправляет произношение русских родителей, скажем, на английском. Это прием, благодаря которому можно вызвать интерес к изучению языка. Все это было бы полезно и для Грузии, где русский язык исчезает, особенно у молодого поколения, что заметили даже гости, общаясь с прохожими на улице.

Говорили и о проблемах перевода, что перевод по подстрочнику дает мало шансов для равноценного воспроизведения текста. Подстрочник это только путеводитель, он требует тесного сотрудничества

с автором и знания той культуры, с языка которой переводить. Собственно, эти проблемы и решают такие встречи, как нынешний фестиваль, где можно обсуждать профессиональные вопросы, увидеть реалии страны, познакомиться с ее литературной жизнью. Так, особенно любознательные гости побывали на вручении грузинской литературной премии «Саба», на которую был выдвинут один из грузинских участников фестиваля Шота Иаташвили. Какова же была всеобщая радость, когда он действительно стал обладателем этой премии в номинации «лучший поэтический сборник» за недавно вышедшую книгу стихов «Пока не поздно». На фестивале стало известно, что на Московское поэтическое биеннале

в октябре приглашены Котэ Кубанеишвили, Шота Иаташвили, Зураб Ртвелиашвили. А украинский участник фестиваля Борис Херсонский, сообщил, что в Киеве проводится фестиваль «Киевские лавры», где тоже будут рады видеть грузинских

поэтов в мае будущего года.

За время фестиваля возникло много реальных перспектив взаимных переводов. Это следствие живого общения, личных открытий, знания стихов друг друга. Поэт, драматург и переводчик Елена Исаева из Москвы, уже переведившая Гагу Нахуцришвили, считает, что российских читателей надо познакомить с новой волной грузинской поэзии, где появляются новые имена и течения. У нее родилась идея в дальнейшем подготовить антологию современной грузинской поэзии. Поэт, эссеист Аннелиза Аллева, итальянка, превосходно владеющая русским языком, которая перевела на итальянский всю прозу Пушкина, «Анну Каренину» Толстого, тоже заинтересовалась грузинской поэзией, разумеется, с русским подстрочником. Более того, у гостей возник интерес к грузинскому языку. Так, у Риммы Марковой (Швеция) в Тбилиси родились строфы с переплетением русского и грузинского, а Александра Петрова (Италия) говорила, что вспомнила грузинский алфавит, которым увлекалась в юности.

Но больше всего обсуждали, что можно предпринять, чтобы не обрывались связи, чтобы литераторы чаще видели и слышали друг друга. Самым обнадеживающим стало решение организаторов и участников сделать русско-грузинский поэтический фестиваль традиционным! В «Русском клубе» уже идет работа над выпуском книги о прошедшем фестивале из произведений его участников на русском, грузинском, итальянском, английском языках, запущен процесс перевода. Так что результаты не заставят себя долго ждать. Как и новые стихи, навеянные Грузией. А эхо первого фестиваля еще долго будет звучать в Грузии и отзываться в разных уголках мира.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

СТРАСТИ ПО ФЕСТИВАЛЮ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Олег Воловик, председатель правления Международной федерации русскоязычных писателей

Оттремел, отзвучал, отпел, отпил (отменное вино было!), отшептал Международный русско-грузинский поэтический фестиваль.

Уже написано о нем достаточно много, и в грузинской, и в русской прессе, более того: в своих блогах известнейшие поэты-участники фестиваля разместили о нем фотоочерки, написали и еще напишут эссе, иначе говоря, слух о фестивале пронесся по многим городам и весям. По меньшей мере, несколько тысяч человек о нем уже знают, и это далеко не только обычные читатели (соучастники в творчестве, алаверды к Цветаевой), но и писатели, поэты, арт- и литературные критики, редакторы и другие официальные и неофициальные лица.

Грузия предстала перед многочисленными гостями именно в том облике, в каком ее привыкли представлять русские поэты. Романтика потрясающих горных пейзажей – диких, необузданных, возвращающих к первозданности бытия. Не меньшая романтика знаменитых грузинских застолий, где вино льется рекой, тосты превозносят каждого человека, возвышают понятие дружбы до божественного смысла. Фольклор: грузинские песни и танцы ожидали гостей практически повсюду, будь это за мостом царицы Тамары XI века, под водопадом, во время ловли форели, в древней крепости Гонию или на торжественном приеме у Бубутеишвили, данном всем участникам фестиваля во Мцхета. Теплый прием в посольстве Российской Федерации, у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II, а также в обычных частных домах: как всегда бывает, образовались компании, где собирались люди с похожим вкусом, единой системой ценностей. Потому что Грузия – та самая, которую мы любим и знаем, более всего сохранилась в отдельных людях, они несут ее в себе и дарят окружающим. Только так, например, можно сказать о грузинских поэтах, которые не только участвовали во всех совместных мероприятиях, но и принимали гостей фестиваля у себя дома, где не только говорились тосты, но и в более узком кругу продолжалось чтение стихов, причем читались вперемжку стихотворения грузинские и русские.

Фестиваль был разножанровым, если не сказать

больше, похож на многоликого Януса, даже не двуликого. Он слегка смахивал на пеструю птицу, так как «одет» был в самые непредсказуемые цвета, амплитуда дарований была огромна. От «шансона», под которым давно уже именуют в русской поп-музыке блатные и похожего стиля песни, бардовских исполнений до самого высокого стиля современной поэзии. Тут надо просто перечислить имена, которые известны любому уважающему себя и русскую культуру читателю. По крайней мере, человеку, который позиционирует себя знатоком культуры, читателем русской литературы, возлюбившим ее раз и навсегда (а следовательно, следуя логике и мысли Бродского, высказанной в Нобелевской лекции, возлюбившего и ближнего своего) знает, о ком и о чем идет речь. Сергей Гандлевский (Россия), Алексей Цветков, представляющий одновременно Чехию и США (вот оно, воскресшее и легендарное «Московское время»), Борис Херсонский (Украина), Алексей Пурин (Россия), Александра Петрова (Италия), итальянский поэт Аннелиза Аллева, Давид Маркиш (Израиль), Елена Исаева (Россия) и другие. С грузинской стороны были известные молодые поэты Звиад Ратиани, Шота Иаташвили, Зураб Ртвелиашвили – их в России знают, любят и читают. На фестиваль приехал председатель правления Международной федерации русскоязычных писателей Олег Воловик.

Официально в программе намечались рабочие встречи поэтов: семинары, обсуждения, круглые столы, вечера поэзии, были экскурсии в горную Верхнюю Аджарию, Мцхета, Кахетию. Но, хочется повторить, главное – поэтическое, философское – происходило на неформальных встречах: знакомства, братания, дружба. И когда на трех языках (русский, английский, немецкий) Звиад Ратиани, Борис Херсонский, Алексей Цветков наизусть читали одновременно стихи (Рильке переводили и Ратиани, и Цветков – было о чем поговорить), и когда на английском перепевался весь репертуар битлов, и когда пелись песни на украинс-

ком, русском, даже испанском – так начинается то, что Антуан де Сент-Экзюпери называл самой лучшей на свете роскошью: «роскошью человеческого общения». А были и очень трогательные моменты. Стояли, курили в тамбуре поезда, увозящего гостей в Батуми, Гандлевский и Цветков, ведущие русские поэты, одни из основателей «Московского времени» (70-е годы), два давних друга. И вспомнилось Звиаду Ратиани стихотворение Гандлевского, посвященное Цветкову, написанное в год, когда последнего депортировали из СССР. «Как просто все: толпа в буфете,/Пропеллер дрогнет голубой,-/Так больше никогда на свете/Мы не увидимся с тобой.//Я сяду в рейсовый автобус./ Царапнет небо самолет -/И под тобой огромный глобус/Со школьным скрипом поплывет.//... Коля на роду тебе дорога/Написана, найди себе/Товарища, пускай с тревогой./Мой милый, помнит о тебе». «Смотрю на них, - рас-

Круглый стол «Роль русского языка в современном литературном пространстве»

поддержки, пожалуй, еще ни один грузинский поэт не получал за последние десятилетия.

Оркестр, светомузыка, множество людей. Естественно, все проходило на грузинском языке, которого гости не знали. И надо было видеть их радость, когда произнесли имя Шота! Более того, русские поэты были поражены доброжелательной обстановкой, которой нет ни на Украине, ни в России. В ресторане русские и грузинские поэты разных поколений пели песни, разговаривали, и, по словам гостей, настолько теплого приема они еще нигде не встречали.

Да и встречи не прошли даром: уже завязались профессиональные отношения, грузинские поэты приглашены на совместные биеннале в разные страны, на фестивале, их будут публиковать в России, а может, и не только.

Говорит организатор фестиваля - действия, которое принесло радость такому большому количеству людей, президент

Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий:

- *Оправдались ли Ваши надежды в отношении фестиваля?*

- Думаю, да, но мы еще не поставили точку в этом фестивале - точкой будет то издание, над которым мы сейчас работаем: сборник на четырех языках.

- *Насколько регулярным Вы планируете сделать проведение таких фестивалей?*

- Хотелось бы сделать фестиваль ежегодным. Или, как минимум, в два года раз.

- *И это будет проходить на территории Грузии?*

- Поскольку мы объявляем фестиваль русско-грузинским, то мы хотим, чтобы русские поэты приезжали именно в Грузию.

- *Наш фестиваль очень тепло приняло российское посольство, патриарх. Как вы думаете, это свидетельствует о потеплении отношений между нашими странами?*

- Вообще я думаю, что никогда не надо ждать действий правительств. Мы должны помогать своему правительству, своей стране, а наша помощь – это наша ежедневная работа. Чем больше мы сами будем делать шаги на сближение, тем светлее будет перспектива дальнейших отношений. Непремененно! Но если мы будем кивать на других, что, мол, вот правительство, политики чего-то не сделали, и сами ничего не предпринимать, то о каких-то серьезных перспективах улучшения говорить не следует. Каждый должен быть на своем месте и нести свой груз, дело, если хотите, свои мысли. А народы мудрые, и они хотят общаться, мы видим. И фестиваль еще раз показал это.

- *Фестиваль такого масштаба проходит в Грузии впервые. Какие вы бы выделили недостатки и достоинства?*

- Достоинство фестиваля в том, что его очень восторженно принял народ. Наш народ в Грузии был обрадован такому серьезному поэтическому десанту,

А.Петрова, Ш.Иаташвили, Б.Херсонский, И.Кулшова, А.Цветков

сказывает Звиад, - и вспоминаю эти строки, и вот они, стоят рядом, курят, разговаривают, снова вместе...» Потом на берегу моря, когда собралось нас человек десять: Гандлевский с супругой, Цветков, Херсонский, Саша Петрова, Шота Иаташвили, Звиад Ратиани, автор статьи - мы вместе еще раз вспоминали об этом; есть такие моменты, которые приближаются к откровению. Именно тогда зарождается нечто настоящее: будь это стихотворение, картина, музыка или истинные человеческие отношения. В общем, было за что выпить, о чем поговорить и даже помолчать.

Фестиваль даровал самые разные впечатления. Так, русские поэты смогли понаблюдать за грузинской литературной средой. Борис Херсонский, Алексей Цветков, Александра Петрова присутствовали на грузинской церемонии вручения самой престижной литературной премии Грузии «Саба». Мы пришли туда неслучайно: один из участников фестиваля Шота Иаташвили был в числе номинантов. Такой мощной

и были обрадованы наши грузинские поэты: начало дружбы, завязки каких-то литературных контактов – ведь это только завязка произошла. И она имеет право на перспективу. На серьезную перспективу, когда эти люди будут не просто дружить и пить вино, говорить друг другу хорошие слова, но еще и работать вместе, переводить друг друга. Это первое. Потом, конечно, огромный позитивный успех фестиваля в том, что прибывшие из 18 стран мира поэты разъехались, и у себя дома рассказали о сегодняшней Грузии, о ее жизни, о том, как их принимал народ, коллеги, и это уже является созданием положительного образа нашей страны, что тоже огромный результат. Те поэты, которых мы не пригласили, – потому что нельзя объять необъятное, – уже стремятся попасть в эту страну, ощутить добрый климат традиционных грузинских приемов. Понимаете, как мы задумали и сделали? Вот я не грузин по национальности, но вырос в Грузии, и эти обычаи гостеприимства – они ведь с детства остались, и я стараюсь принимать гостей так же, как мой сосед грузин. И это тоже результат, который ощутили наши гости. Конечно, проведение такого масштабного фестиваля – дело недешевое, но будем искать, будем стремиться, убеждать, доказывать и обязательно в следующем году проведем его. Может, даже более масштабно. Кто-то приедет еще раз. Конечно, появятся новые лица – к этому надо стремиться – на фестивале. И с грузинской стороны, и со стороны русских писателей, живущих за пределами России, из самой России. Лиха беда начало. А начало неплохое, и можно сказать, что результат положительный. И еще более положительным оказался резонанс этого фестиваля.

... Итак, можно сказать со всей определенностью: фестиваль удался, и удался на славу. Первый блин не вышел комом. Достигнута договоренность между русскими и грузинскими поэтами о переводе грузинских на русский и русских на грузинский.

Имена выдающихся русских поэтов, которые будут переводить поэтов грузинских, автоматически сделают их известными в литературной среде мира. Равно как и перевод русских поэтов на грузинский будет способствовать сближению двух культур. Возможен и перевод на итальянский и другие языки мира. Точка отсчета – Международный русско-грузинский поэтический фестиваль в Грузии.

Напоследок предоставим слово двум классикам русской литературы, Сергею Гандлевскому и Алек-

сею Цветкову.

С.Гандлевский: «Фестиваль мне понравился. Быт гастролеров был безупречно организован – спасибо всем организаторам! Развлекательно-познавательная программа интересная и обширная: музеи, театр, экскурсии в горы и по морю, местные песнопения и танцы, прогулки по Батуми и Тбилиси. Кажется, лучше ничего и придумать нельзя было, чтобы за десять дней дать приезжим кое-какое парадное представление о Грузии. Правда, получилось не поровну, слишком гостеприимно: нас ублажали куда больше, чем мы (я имею в виду поэтические выступления). И все-таки,

Участники фестиваля во Мцхета

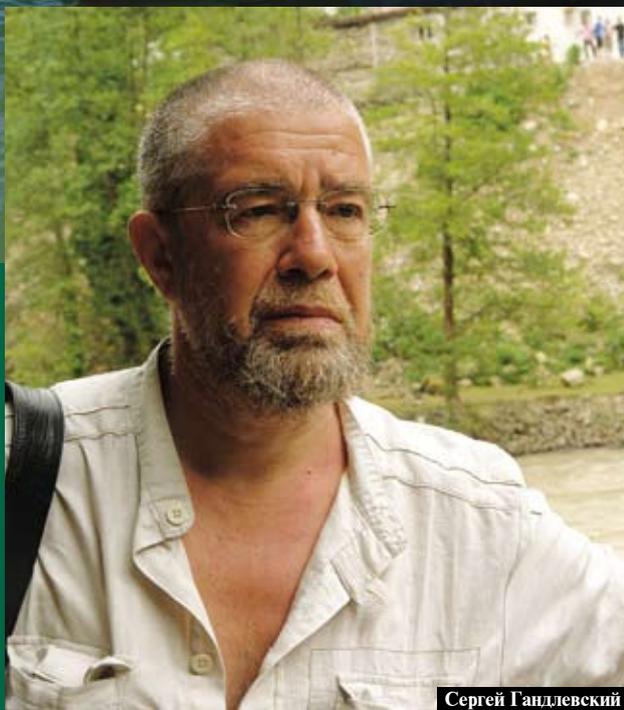
Зал Театра царского подворья, на поэтическом вечере

позволю себе высказать одно соображение на будущее: когда полтора десятка совершенно разных авторов сводятся в одном концерте, как это делалось, получается похоже на новогодний «Голубой огонек»: оперная ария, эстрада, сатира и юмор, цирковой номер – всего по чуть-чуть, но в один прием. На месте взыскательного слушателя я был бы слегка обескуражен. Может быть, лучше разбивать авторов по жанрам: барды к бардам, лирики к лирикам, и проводить отдельные вечера, чтобы оставить за любителем литературы право выбора. Но это так – брюзжание, чтобы не пересластить. Повторяю: все получилось хорошо, спасибо!»

А.Цветков: «Фестиваль удался на славу, огромное спасибо организаторам. Грузия – прекрасная страна, и традиции гостеприимства, судя по всему, не сошли на нет за годы тяжелых испытаний. Трудно выделить что-то самое важное из этого фейерверка впечатлений, но если все же постараться, то это – знакомство с грузинскими поэтами, которые произвели на нас прекрасное впечатление (надеюсь, что и мы на них). Очень хочется повидаться вновь, нет туристического похмелья, когда работа и рутина быстро смывают все впечатления.

Очень надеюсь, что взаимные глупости политиков поправимы, и дружба русской и грузинской культур возобновится в полной мере».

ИННА КУЛИШОВА

Сергей Гандлевский

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ: «ГОВОРИТЬ СТИХОМ – ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННО, ДАЖЕ, ПО ОЩУЩЕНИЮ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННО»

Интервью с поэтом – дело глупое, отчасти неблагодарное («Ну кто ж поэту такие вопросы задает?!»), разве что одна надежда: если не перерастает в беседы С.Волкова или Эккермана. Главное в этом деле – читать. Но суть искусства в том, что оно плодотворно. После гениальной вещи хочется идти дальше, хочется любым способом продолжить увиденное, услышанное, прочитанное и так далее.. Инерция слов, звуков, образов, вытесненных из стихотворения, желает быть продолженной и запечатленной так или иначе, постоянно толкает еще и еще раз соприкоснуться с настоящим, и, как необходимость, с теми людьми, которые дарят нам оное. Потому – отчасти – и пишутся книги о книгах, статьи, потому хочется говорить, оформляя встречу в жанр интервью или любой другой.

Писать о каждом из трех выдающихся русских

поэтов, которых уже сегодня именуют классиками, в предисловии к интервью, в двух-трех абзацах бессмысленно. У каждого из них совершенно особый поэтический голос, который ни с чем не спутаешь. А это важно, потому что, вглядываясь в современную литературу, иногда кажется, что читаешь замечательное профессиональное, хорошо сделанное, но на самом деле одно большое стихотворение, состоящее из разных частей, одного автора, в крайнем случае находящегося в разном настроении, этакое сегодняшнего – будем справедливыми, не двуликого, а многоликого – Януса. При всем том, что есть действительно прекрасные поэты, которых нужно читать и знать, чьи имена наверняка останутся в истории и не раз порадуют современников и потомков. Так что, рассуждая о Гандлевском, Цветкове и Херсонском, надо садиться за отдельную статью, либо просто молчать и по мере возможности давать слово им.

В процессе фестиваля, да и не только, мы не раз говорили на литературные темы, потому что было интересно, как ответят три совершенно разных поэта на один и тот же вопрос.

- В нынешней Грузии есть тенденция, что чем моложе поколение, тем меньше интерес к русской литературе, языку. Молодые литераторы, в основном, ориентированы на западную литературу. Какие будут дальше отношения, их вид, качество? Какие перспективы у русско-грузинских культурных, литературных взаимосвязей? Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, но будут ли они развиваться и дальше?

- Мы на эту тему, помнится, говорили на тбилис-

ском «круглом столе». Тогда Алексей Цветков сказал, если я его верно понял, что сильная, в смысле могущественная, а, значит, заметная страна автоматически обеспечивает интерес и к своей культуре; он даже добавил, что Иосиф Бродский отчасти обязан Нобелевской премией ядерному потенциалу СССР. Здесь я с коллегой Цветковым не согласен: а как быть с Найполом, уроженцем захудалого Тринидада? Или с литературой Ирландии? А согласен я с Шота Иаташвили, сказавшим, что притягательной становится сильная, в смысле глубокая и обаятельная культура, по существу, он повторил Достоевского – «Станьте солнцем, вас все и заметят». Другое дело, что культуры, случается, становятся великими в пассионарные времена, которые благоприятны не только для «роз», но и для «шипов», чему пример Россия XIX столетия, одновременно давшая миру грандиозную литературу и ставшая «жандармом Европы». Но неукоснительной зависимости культурного расцвета от державных успехов я не вижу: бывает так, а бывает иначе.

нешних СМИ, которые с большим запаздыванием и карикатурно воспроизводят некогда высоколбные стили. Скажем, слово «как бы» еще двадцать лет

Сергей Гандлевский с супругой

В Батумском ботаническом саду

назад было штампом снобистской речи; теперь оно не сходит с языка у любого продавца в супермаркете. А когда полной изоляции нет, язык выравнивается, как жидкость в сообщающихся сосудах, по одному уровню: этакая безличная стихия с безличными же стилями. Приведу пример из моего родительского опыта. Мы с женой поначалу из принципа не заводили телевизора как источника языковой порчи. Но речь наших детей все равно зашелудивела: они принесли все эти словечки и интонации из детского сада и начальной школы.

- На каком метафизическом месте находится российская культура? Мы имеем слабую возможность следить за ней, обычно только с помощью Интернета или своих знакомых, которые так или иначе могут поставлять информацию или книги.

- Я тоже, к стыду своему, не большой эксперт в области российской культуры. Более или менее ответственно могу сказать, что поэзия сейчас переживает хорошие времена: сходу можно назвать дюжину стоящих авторов.

- Явно есть какие-то объективные идеи, тональность того или иного «маленького» времени в языке буквально витает в воздухе. Например, не зная, что творится в тот или иной период в поэзии в России, никого не читая, попадаешь в какую-то одинаковую интонацию, будь это метаирония или длинная, петляющая, стихотворная строка с совершенно размытым ритмом и т.д. Как можно объяснить такие эвклидовы параллели?

- Ну, во-первых, я думаю, что полной языковой изоляции достичь очень непросто. Особенно при ны-

- Верлибр на Западе давно в чести. Есть в перспективе русского языка, да и любого, исчерпанность рифм, или такого понятия не существует? (Как сказала Ахматова, «Я знаю все рифмы русского языка». Тарковский, кажется, нечто подобное тоже говорил). Или «любовь-вновь, кровь», «роза-мороза» всегда приемлемы, и нет оттенка дурновкусия?

- По этому поводу у меня имеются следующие, не стыкующиеся между

На поэтическом вечере

собой соображения. Первое - вульгарно-материалистическое. Рынок с его рекламой и желтая пресса пристрастились к каламбурам и рифмачеству, чем профанируют такие испытанные художественные средства, как рифма и игра слов как таковые. Вменяемому автору приходится (и чем дальше – тем

больше) иметь это в виду, когда он рифмуется и каламбурирует, словом, не делать вид, что он держит в руках столовое серебро, а не общепитовскую алюминиевую ложку. Когда площадная словесность захватила и захватала твой наследный инструментарий, вполне закономерно и понятно самолюбивое авторское желание опрометью броситься писать верлибром, чтобы, как минимум в собственных глазах, не выглядеть беззаботным стихоплетом. Но эту напасть талантливый человек может и обыграть, более того, извлечь из нее пользу. Приведу мой излюбленный пример. Шум, казалось бы, мешает сосредоточиться. Особенно композитору. Но вот что по поводу музыкальной какофонии говорит в письме Моцарт, живущий в гостинице, битком набитой репетирующими музыкантами: «Это весело, когда сочиняешь! Подает много идей». Ему вторит Набоков: «Нет ничего на свете вдохновеннее мещанской вульгарности». Так что, я думаю, дело здесь не столько в объективных и неблагоприятных внешних обстоятельствах, сколько в объективных же внутренних – масштабе дарования.

Но есть у меня и второе соображение – решительно в пользу регулярного стихосложения. Вот человек в младенчестве овладевает речью, чтобы с ее помощью выражать свои внутренние позывы, добиваться своего: боюсь жука, хочу на горшок, не хочу кашу. Рано или поздно, он обращает внимание, что некоторые слова его словаря забавно рифмуются – иногда бессвязно (кошка/немножко), иногда – чуть ли не со смыслом (собака/кусака). Но чем дальше, тем больше разговорная практика подсказывает человеку, что все эти созвучия, включая осмысленные, – простое совпадение, что складность не в природе речи, как скольжение не в природе ходьбы.

Поэтому профессиональный поэтический навык говорить одновременно и складно, и осмысленно

всегда будет оставлять впечатление какого-то чудесного избавления от привычно-обременительных законов и норм земной жизни, к каковым заодно относятся гравитация, трение и т. п., включая старение и саму смертность, наконец. Словом, возвращаясь к теме моего рассуждения: изъясняться медленно и с трудом – естественно, говорить стихом – противоестественно, даже, по ощущению, сверхъестественно.

Кроме того, в говорении стихом (пусть и на самые неприятные темы) есть какая-то праздничная приподнятость, привкус аттракциона: ведь пересечь улицу пешком – и надежней, и быстрее, чем пройти

над ней по канату, однако, только вовсе скучный человек не задерет голову, чтобы не подивиться на канатоходца.

Верлибру, который отказывается от всей этой видавшей виды, но крайне действенной техники, надо бы обзавестись собственным инструментарием для достижения эффекта праздничности и чудесной свободы от материалистических обстоятельств. Дело за малым.

- Естественно, любой стихок всегда опережает любую биографию. Он всегда шагает впереди. Лев Шестов был против любого мировоззрения, считая его остановкой в пути, против “твердой почвы”. Любому пишущему вечная зыбкость, напроць мешающая жить, необходима. Согласны? Она же связана, на мой скромный взгляд, с двумя главными чертами поэзии: точностью и неизбежностью сказанного...

- Здесь бабушка надвое сказала. Может быть, мы прозреваем в стихах собственное будущее, но в той же мере вполне возможно, что мы, написав что-либо, просто настраиваемся на какой-то определенный лад и уже не замечаем других вариантов развития событий, а значит, и не умеем воспользоваться ими. Ей-Богу, не знаю...

- «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Сегодня некому так сказать, да и стоит ли оно того?

- Завидное самочувствие – больше мне добавить нечего.

- Вы один из основателей легендарной поэтической группы «Московское время», возникшей в начале 70-х и, по словам Виктора Куллэ, «на многие годы определившей интонацию последующих стихотворцев». Это был определенный эстетический и этический кодекс поведения, без всяких манифестов и поз, круг литераторов – сегодня выдающихся поэтов, еще тогда «обуздавших в себе похоть печататься»; каждый сам по себе, и в то же время несколько человек, собранных вместе.

- По-моему, издавать альманах выдумал Сопровский, или Сопровский с Казинцевым. Я не то что с прохладцей — я легкомысленно по молодости лет отнесся к этому их начинанию. Мне даже сейчас не совсем удобно отвечать на вопросы, связанные с “Московским временем”, потому что главный зачинщик издания умер (а как бы он поразился, что дело его рук входит в историю литературы), а спрашивают меня, человека, который, в общем-то, вязался за компанию. Застольный круг, действительно, каким-то образом переродился в литературное сообщество. Никогда не было никакого манифеста. Может быть, сами характеры вошедших туда людей исключали такую возможность. Потому что живость, непредвзятость, отсутствие снобизма — это и предполагало отсутствие манифеста. Вроде как решайте по стихам: есть там какой-то общий знаменатель или нет.

Может быть, дружба сказала и на нашей поэтике, этакое “перекрестное опыление”. Опыт молодости, находки молодости воспринимаются кругом как общее достояние. Присутствие среди нас Цветкова точно не прошло бесследно, но и остальные тоже влияли друг на друга.

В отличие от предшествующего поколения, для которого, как мне кажется, свет клином сошелся на

Возложение цветов к памятнику Пушкина

“серебряном веке”, “Московское время” к искусству начала века относилось спокойнее. Это, кстати, очень понятно биографически. Предыдущее подпольное поколение ввело “серебряный век” в культурный обиход, он был для них сладким запретным плодом. Спасибо им всем. Но, мы, по-моему, не считали себя суворовским училищем “серебряного века”, нас не меньше занимал “золотой век”. Есть удовольствие от новых слов, но есть другое, не меньшее: как безошибочно стоят старые.

- В 1996 году Вы получили “Антибукер” за стихи и отказались от довольно крупной денежной части этой премии, потому что ее получение «организаторы обставили унизибельными для поэта условиями». Вы сказали тогда в интервью: “Поэтов нельзя унижать. Смирившийся с унижением поэт потерян для поэзии”. Чеслав Милош также считал, что писатель обязан быть нравственно чистым. Как все это взаимосвязано, ведь, по Вашим же словам, «искусство над справедливостью смеется», Дух дышит где хочет? «Какой-то личный ущерб рано

или поздно даст о себе знать. Времени может пройти достаточно много, пока эта порча проявится», - говорите Вы. Хотелось бы чуть подробнее...

- Меня за слова «поэтов нельзя унижать» раскритиковал Цветков, в том смысле, что унижать нельзя никого. Разумеется. Я в запальчивости имел в виду, что поэту, чтобы говорить, «как власть имеющему», особенно важно сохранение личного достоинства. И хирург, и слесарь, конечно же, чувствуют обиду не менее остро, но их ремесла не так напрямую связаны с чувством собственного достоинства. Теперь по поводу нравственной чистоты. Снова же: она всем показана. Но поэт обязан следить за своей душой еще и профессионально, как артист или спортсмен за своим телом. Мой очень снисходительный минимум личной душевной «гигиены» - не врать самому себе, не пребывать в заблуждении насчет мотивов собственных поступков. Это совсем непросто. Врать другим, понятное дело, тоже не годится, но это уже не имеет отношения к специфике поэтической профессии, это пожелание распространяется и на поэта, и на слесаря, и на хирурга.

- Ваши слова вновь приведу: «Я вообще не “поэтичен” в расхожем смысле слова: не рассеян, не влюбчив (и смолоду не был влюбчив), педантичен до занудства и т.д.». Но это стереотип. Может, педантичность, скажем, и есть основная черта поэзии. Эмили Диккинсон вообще из комнаты не выходила долгие

последние годы. Поэтическая манера поведения и поэзия разве не «две большие разницы»?

- Когда как. Например, где-то Михаил Гаспаров упомянул Лермонтова и Ахматову как самых больших отечественных мастеров поэтического поведения. Сейчас, мне кажется, эта длительная пора, особо культивирующая дисциплину поэтического поведения,

У могилы А.С. Грибоедова

сходит на нет: поэт, ведущий себя нарочито поэтично, выглядит довольно провинциально и, скорее всего, и поэт-то – так себе.

- Как Вам живется в сегодняшнем времени? Есть ли для Вас самый оптимальный возраст-время?

- Честно говоря, самочувствие и первые реакции у меня самые подростковые: подмывает уступать место в транспорте как старшим мужчинам моих лет, окорачиваешь себя, чтобы не оборачиваться на оклик «молодой человек!» и т. п. Какая-то остаточная молодость еще дает о себе знать, словно фантомная боль. И вместе с тем, чувствуешь себя время от времени взрослым, умудренным, выдавшим виды. Этакое раздвоение личности в возрастном смысле.

- В своем гениальном (без всякой эмоциональной примеси говорю) эссе «Метафизика поэтической кухни» Вы написали о стихотворении: «Дело сделано. С приятным удивлением ты обнаруживаешь, что, несмотря на превратности сочинительства, стихотворение имеет смысл, и смысл этот на порядок глубже и великодушнее того, что ты обычно думаешь и говоришь». Есть у меня такое предположение, что человек, в Высшем смысле, приравнен к стихотворению, и одна надежда, что смысл человека окажется великодушнее его самого. Что скажете, дорогой Сергей Маркович?

- Хорошо бы.

ИННА КУЛИШОВА

Борис Херсонский

- Сегодня «грузинская и русская литературы живут сами по себе и "играют по разным правилам"». Все прежние русско-грузинские литературные связи, как не раз говорилось, это «старый запас». Что происходит сейчас, надо (и стоит ли?) все создавать заново или есть еще база, на которой можно построить новые взаимоотношения грузинских и русских литераторов? Каковы Ваши впечатления от визита в Грузию в этот раз? Вы же здесь были до этого года в 70-х. Приезд сюда – инерция любви?

- По-моему еще Амальрик в тех же семидесятых писал, что интеллектуалы являются некоей всемирной диаспорой, и связь их друг с другом сильнее, чем каждого из них – со своим народом. Это можно сказать и о поэтах. Сегодня мы пишем в основном друг для друга, где бы мы ни жили. С этим приходится считаться. Каждый открытый для меня новый одаренный поэт – это и автор и читатель одновременно. В этом отношении в Грузии все в порядке. Поколение тридцатилетних вполне утвердилось, и читать их, пусть даже в не лучших переводах, все равно очень интересно. А сколько радости от общения!

Грузия, конечно, изменилась, но на фоне вечнос-

БОРИС ХЕРСОНСКИЙ: «РИТМ ОТРАЖАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕВЕСТИ ДЫХАНИЕ»

ти, которую представляет здесь уникальная природа, горный ландшафт, лаконичная, прекрасная храмовая архитектура, эти изменения как-то теряются. Думаю, что не изменилось и сердце народа, остались прежними его традиции. Я особенно благодарен тем, кто нас принимал еще и потому, что Россия относится к гражданам Грузии совсем иначе.

И это – ужасная ошибка, которую предстоит исправить. Может быть, впервые я был рад, что представляю не Россию, а Украину, государство, которое сумело не только сохранить, но и укрепить отношения с Грузией. И тем не менее нельзя не заметить, что русская культура и русский язык постепенно уходят из Грузии. Дело тут не только в табличках и вывесках, хотя и в них тоже: человек, не знающий грузинского языка в Тбилиси гораздо более беспомощен, чем в Одессе – не знающий русского и украинского. У нас очень много дубляжа на английский язык. В Тбилиси пока нет и этого. Маяковский писал: «А я обучался азбуке с вывесок, листовая страницы железа и жести». Ни русской, ни английской азбуке в Грузии с вывесок не выучишься...

- Молодые литераторы, в основном, ориентированы на западную культуру. С одной стороны – русская литература, с другой – англо-американская...

- Дилемма традиций – русская и англо-американская теряет смысл в этом поколении, ибо англо-американская традиция прочно вошла в творчество русских поэтов, начиная где-то с девяностых, если не раньше. Бродский был первым, но отнюдь не единственным...

- Есть тенденция, что чем моложе поколение, тем

меньше интерес к русской литературе, языку. И на Украине так? Какие будут дальше отношения, их вид, качество? Какие перспективы у русско-грузинских культурных, литературных взаимосвязей, что на Украине («как посравнить да посмотреть»)? Что будет дальше? Даже если тут у нас молодежь учит английский, а не русский, то литературу никто не трогает, увл...

- Все так на Западной Украине. У меня есть друзья, молодые люди, с которыми я могу общаться по-английски и по-украински, но не по-русски. Они могут говорить на русском языке с сильным напряжением, то и дело вставляя английские слова. Я владею украинским свободно и обычно сразу избавляю их от мучений. А вот в Одессе в похожей ситуации как раз именно государственный, украинский язык. На нем почти не говорят и не всегда относятся к нему с должным уважением. То и дело проводятся акции типа «Мы говорим по-русски». Мы действительно говорим по-русски. Но зачем с флагами по этому поводу ходить?

Читают мало всюду. Поэтому каждый поэт по идее чувствует себя изолированным и одиноким, что способствует, на мой взгляд, творческому прогрессу. Есть в Украине одна негативная особенность. Те, кто пишет по-украински, не общаются с русскоязычными писателями и поэтами, живущими в Украине. По мнению многих «патриотически настроенных граждан», жить в Украине и писать по-русски – значит разрушать украинскую культуру. На мой взгляд, это дикий бред. Но факт остается

вые имена в списке.

- Какая книга, какой человек за последнее время из современной культурной жизни для Вас стали событием и открытием, создали некое новое пространство смысловое?

- С человеком просто. Это прежде всего Алексей Цветков. Хотя мы пользуемся разной поэтикой, но, как для читателя, для меня Алексей – стопроцентное попадание. Тут есть и сугубо личные моменты. Но есть много почти столь же значимых для меня имен. И книг немало.

На круглом столе «Роль русского языка в современном литературном пространстве»

На поэтическом вечере

фактом. На фестивале «Киевские лавры» украинская и русская литература выступали в разных командах, в режиме строгой сегрегации. Не лучше выглядит и наметившаяся традиция поэтических турниров по «командному» типу - Россия против Украины. Это ведь поэзия, а не футбол... И еще. Молодые теряют интерес не только к русской литературе, но и к классической украинской. Думаю, что и для грузинской молодежи Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе не пер-

Абдуллаев, «в топографическом тупике и вообще на любой неудачной периферии, не отпускающей... до зрелых лет», а потому не получишь «привилегию участвовать в мировом литературном хоре»? И что тогда: это способ наилучшего синтеза культур, наилегчайший путь поставить себя на край мира, что необходимо пишущему, или удручающие обстоятельства, создающие борца или выпавшую из собственных возможностей жертву в худшем случае? И если условно

обозначить, в какой точке литературной географии мы находимся, по обе стороны языка, не есть ли это территория распада?

- Я уже говорил, что сам поэтический язык стал территорией распада. Дело здесь не в географии, а во все той же внутренней изоляции поэтов, когда диалог с читателем по-настоящему немислим. Либо пиши тексты к попсе. А хуже этого нет ничего на белом свете. Народ не читает, он согласен, как ребенок, чтобы ему почитали на ночь, он от этого лучше спит. Как в США не принято смотреть кино без кока-колы и попкорна, так и поэтов принято слушать (не слыша) с

А.Цветков, Б.Херсонский, Г.Кочофа, А.Аллева

кружкой пива в руке. Что до Абдуллаева, то он чуть перегибает. Нет и не было мирового литературного хора. Есть, если угодно, гомон, шум, перебивки... Гармонии в этом мало. Ваш вопрос, пожалуй, уже содержит в себе ответ, достаточно сложно сформулированный...

- Явно есть какие-то объективные идеи, тональность того или иного «маленького» времени в языке буквально витает в воздухе. Например, не зная, что творится в тот или иной период в поэзии в России, никого не читая, впадаешь в одинаковую интонацию, будь это метаирония – годах в 80-90-х, или длинная, петляющая, стихотворная строка с совершенно разным ритмом. Вы сами говорили в одном из интервью: «Иногда кажется – мы росли вместе, мы писали вместе, ничего не зная друг о друге». Как можно объяснить такие эвклидовы параллели?

- Дух времени, цайтгайт. Мрак девяностых требовал иронии просто как психологической защиты. Один мой приятель просто говорил, что никогда не будет читать поэзию, если она не ироническая... Он считал, что лирика умерла. Думаю, ошибся. Во многом иронию выполняла задача помочь в расставании с советским прошлым. Никогда советские тексты не подвергались более виртуозной переработке, передразниванию. Сегодняшняя жизнь во многом аритмична и выхляющая. Классический ритм становится чем-то сковывающим, искусственным. Мои стихи выбиваются из ритмической классики и скорее соответствуют интонации устной речи, которая начинается с затакта, с глубокого вдоха. Ритм отражает необходимость перевести дыхание. Но случайности тут нет: подобный ритм требует не меньших усилий, чем классический стих.

- Верлибр давно в чести и на Западе, и у нас. Есть

ли ощущение некой исчерпанности рифм? Или «любовь - вновь, кровь», «роза - мороза» всегда приемлемы, и нет оттенка дурновкусия?

- Свободный стих в какой-то степени коррелирует внешней и внутренней свободой. Это прекрасный вариант поэтической техники. Но ни в коем случае не единственный вариант! Опасность верлибра в том, что так может быть назван любой текст. Жданов называл верлибр узаконенной графоманией. Он, конечно, тоже впадает в крайность. Есть вещи, которые в рифму не скажешь. Для меня не представляет трудности зарифмовать свои стихи, написанные верлибром. Но получится что-то вроде «Мойдодыра», а этого не хотелось бы. Любовь и кровь рифмовать не возбраняется. Иногда я применяю это как литературный прием, у меня есть цикл стихов, которые так и называются «Простые рифмы».

- Роберт Фрост как-то бросил фразу: «Сказать, что я поэт, значит сказать, что я хороший человек». Святые Отцы считали себя самыми большими грешниками. Как говорил отец Александр Мень, при ярком свете в песке каждая темная песчинка видна... Думается, следует отличать поэтическую манеру поведения, стереотипность и саму поэзию. Ваше отношение к словам Фроста?

- Уж раз мы помянули святых отцов, воспользуюсь религиозной метафорой. Можно быть священником, но зарабатывать на хлеб, на мой взгляд, нужно как-то иначе. Ну, например, делать палатки, как апостол Павел. А быть поэтом и хорошим человеком вещи разные: «среди людей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», пушкинская формула мне милее фровостовской. Сейчас, Вы правы, поведение играет важную роль – нужно быть экстравагантным и умеренно, а то и неумеренно асоциальным. Мне как-то сказала милая поэтесса: если вы до сих пор трезвы, вы – не поэт. Дело было где-то в час дня.

- Любой стишок всегда опережает любую биографию. Лев Шестов был против любого мировоззрения, считая его остановкой в пути, против «твердой почвы». Пишущему человеку вечная зыбкость, напроць мешающая жить, необходима. Она же связана с двумя главными чертами поэзии: точностью и неизбежностью сказанного...

- Скорее не зыбкость, которой всегда в избытке, а ощущение непрочности собственного существования. Попытка схватиться за соломинку: «нет, весь я не умру...». А вот с точностью и неотвратимостью современная поэзия не дружит. Скорее характерна так называемая «лингвистическая атаксия», промахивание мимо необходимого слова. Это обратная сторона нежелания повторяться, говорить банальности.

- Вы завкафедрой клинической психологии, врач-психоаналитик и поэт – сочетание на удивление редкое. На Западе поэты к психотерапевтам часто бегут, а Вы, получается, сами с собой разговорки ведете... Кстати, насколько знаю, Вы сами из семьи врачей?

- Эта профессия для меня наследственная. И отец, и дед были в Одессе ведущими врачами-невропатологами, дед, кроме того, работал и в области психологии. Он рано умер – я был пятилетним ребенком и помню его скорее как легенду. А легендам подражаешь особенно охотно. Литературные занятия также были частью легенды: дедушка входил в знаменитую одесскую «Зеленую лампу». Среди его приятелей того времени

– Багрицкий, Катаев, Олеша. Вопрос «кем быть» для меня не существовал. Было много метаний, но медицина, психология оставались величиной постоянной. Лекции по психологии, психоанализ, свободные ассоциации это ведь тоже текстуальные практики!

В юности я прошел через одесский КВН, диссидентское движение, даже немного играл в рок-ансамбле на клавишных. Искренне ненавидел режим. Поэтому Перестройка соблазнила меня, как многих. К сожалению, инерция диссидентства привела меня в перестроечную и постперестроечную политику и журналистику. Довольно долго я работал как журналист и эссеист. Работал профессионально – в том смысле, что занимал определенные позиции и получал зарплату. Это продолжалось где-то с 1989-го по 2001-й год. Потом в Украине начали происходить известные истории, связанные с прессой. Одесса не была исключением. Одна газета, где я заведовал отделом, была освобождена от редактора и журналистского коллектива с применением ОМОНа. Вторую газету закрыли по экономическим соображениям. Редактора знаменитой одесской «Вечерки» просто застрелили на улице. В то время в Украине писать о том, что думаешь, стало неинтересно, небезопасно, невозможно. Я вовремя вернулся в свою основную профессию, которую, к слову, никогда не оставлял.

- В одном из интервью, посвященном политике, Вы бросили фразу о положительном качестве той журналистики: «Она была более ... технологически грамотна... я уже не говорю о грамматике, которая также большей порядочностью была наделена». Иначе говоря, порядочность грамматики может структурировать

В Верхней Аджарии

движение. Как объяснить ее большую разболтанность сегодня, возможен ли возврат к прошлой точности исключительно грамматический, без социального ущерба?

- О журналистике не хочется и говорить. В подавляющем большинстве случаев она ориентируется на самый пещерный уровень читателя. И это понятно. Журналистика без спонсора и читателя не выживет. А поэзия, надеюсь, да. Вспомним Цветаеву: «глотатели пустот, читатели газет», и в другом стихотворе-

нии «читателем газетных тонн». Для меня эти слова достаточно болезненны – я перечеркиваю десять лет собственной журналистской жизни, но это необходимая операция. Когда сейчас мне предлагают принять участие в какой-то кампании, твердо отвечаю – «НЕТ»

- Вернемся к психотерапии и психологии. Тут, представляется, есть еще одна проблема. Психология и литература, как представляется, разнонаправлены, литература – вовне, она метафизична и занимается расширением горизонта. То есть идет векторный разрыв...

- Что реально пришло в мою поэзию из психологии и психотерапии – это интерес к человеческой судьбе и внутреннему миру другого человека. Подчеркиваю: не только к своему внутреннему миру, а преимущественно к психике другого человека. Огромное количество литературы посвящено контрпереносу, тем чувствам, которые испытывает аналитик, слушая клиента. Достаточно прочитать антологию «Эра контрпереноса» (она недавно была издана), чтобы понять, что отстраненность и прагматизм психоаналитика – это миф, и речь идет, скорее, о внешней сдержанности. Поэзия, творчество – это как раз способ непрямого отреагирования. Нечто вроде «балинтовской группы», где психотерапевты, собираясь вместе, облегчают душу. Мне кажется, что эта сдержанность, отстраненность и прагматическое отношение к переживаниям пациента – скорее декларация психоанализа, чем его реальность.

И еще – психотерапия заполняет вакуум неверия.

Прежде всего. Человек отказался от непознаваемого в мире, и теперь ищет непознаваемое внутри себя. Психотерапевт это и исповедник и «жрец Бессознательного». Так не должно быть. Но так сложилось.

- Только что Вы получили престижную российскую премию за книгу «Семейных архив». Книга исключительная, по сути, насыщенности и боли, помимо того, что в ней ощущается совершенно особый поэтический голос. Здесь есть конкретная история, над которой нависает Промысел. С одной стороны, затерянность в человечестве, с другой - человеческая бесконечность. И страдание тем сильнее, потому что на самом деле оно бывает только в единственном числе. Любая истинная история народа может быть показана только через единственное число. Как пишет Линор Горалик, книга «производит

сильное впечатление тем, как из жизни частных лиц – и даже неважно, вымышленных, или подлинных, или полувывмышленных-полуподлинных, – внятно выстраивается полномасштабная картина истории целого народа, истории еврейства. Возникает эффект микрокосма, повторяющего макрокосм, – и не только за счет перечисления исторических событий, маркировки «мы были здесь», а за счет выстраивания цельной философии, на которую, как на карту, ложится судьба конкретной семьи, конкретного рода»...

- «Семейный архив» писался не один год. В какой-то мере эти стихи – результат переосмысления того, что я слышал от своей родни, пересмотра старых фотографий и додумывания, дочувствования того, чего я не знал и не видел. Конечно, в основном речь идет о «смешанных» персонажах, на часть из которых спроецированы мои собственные мысли и переживания – а истории предков спроецированы на мои переживания и мысли, – такой вот коктейль. Началось с того – это был конец 1990-х годов, – что я сел за стол записать сложившиеся накануне стихи о том, как моя бабушка и ее сестра бросали камешки в колодец на вершине горы Боны в Кременце, – теперь это вступительное стихотворение к «Семейному архиву». Бабушка действительно мне рассказывала о том, как они бросали камни и считали секунды до удара. И тут я вдруг понял, что они не должны услышать ответного отклика, что удар камня о дно колодца должен прозвучать тогда, когда они уже уйдут. Это как звук гонга. В этот момент я увидел всю книгу. Объяснить это почти невозможно.

Я написал довольно большой пласт текстов (по-мо-

З.Ратиани, Б.Херсонский, И.Кулишова

ему, буквально за две недели), а затем уже дописывал без спешки, тогда, когда что-то случалось. Например, смерть моей двоюродной тети, одной из героинь «Архива», послужила толчком для еще нескольких главок, и так же происходило с другими переживаниями того же времени, – пока не наступил момент, когда я понял: хватит, звук гонга умолк. Хотел ли я сознательно построить картину жизни народа на определенной территории? Мне кажется, что в какой-то момент уже – да. Вот у меня, например, есть в книге своего рода «античный хор» – изречения раввинов, которые словно ходят следом за персонажами и что-то говорят. Кроме изречения Гилеля, очень известного, все остальные афоризмы – результат моих собственных размышлений о судьбах моих родственников, моего народа. В общем-то, эта идея – построить комментарий устами раввинов – понятна: кто читал хоть какой-то мидраш, знает, что такое комментарии и комментарии на комментарии. С другой стороны, и фрейдовские толкования построены по такому же принципу, так что здесь влияние пришло с двух сторон.

Отец всегда говорил мне, что для него вся жизнь начиналась с него самого, ощущение рода было для

него абсолютно нехарактерно. Он даже не помнил имен своих бабушек. Возможно, по той причине, что они умерли до его рождения. Он их никогда не видел, а раз он их не видел – они его не интересовали. Существенно лишь зримое. Имя одной моей прабабки я знаю от своей бабушки, но имя второй прабабушки со стороны отца – так и не знаю. Наверное, его можно было бы восстановить...

- *Вы пишете: «Мне кажется, что интерес к корням всегда происходит из какого-то экзистенциального кризиса, поскольку твое собственное бытие без поддержки кажется тебе почти нереальным». С одной стороны, есть экзистенциальный кризис, который является неплохим топливом для стишка. С другой, Вы постоянно, замечая, говорите о необходимости, потребности – как угодно – «подтвердить свое собственное существование». Лично для Вас это серьезная проблема или серьезное наблюдение за другими? Решается ли она у Вас, помимо осознанного интереса к корням, с помощью религии, так как у Вас много стихов именно на библейские темы, да и Вы сами выглядите – и внешне, и внутренне – абсолютно библейским персонажем...*

- Это, конечно, скорее наблюдение за другими. Но в работе психотерапевта наблюдение как таковое отсутствует. Оно должно быть подкреплено вчувствованием, эмпатией. Мы впускаем в себя внутренний мир наших клиентов, прорабатываем, переосмысливаем, перечувствуем, если угодно. Опыт клиента это больше чем то, что просто рассказано и услышано. Уж если Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я», то с не меньшим основанием я могу отождествить себя с героями моей книги: родня все же...

- *Вы большое внимание уделяете миру Интернета. Почему столь существенно переживание пустоты реакции на стихи в родном городе Одессе («нет пророков в своем отечестве»), и сколь душевно это Вам необходимо?*

- Пожалуй, эмиграция в блогосферу, конкретно, в Живой Журнал, сообщество Полутона, многое исправила. В Одессе повседневность изменилась мало. Те же заботы – пациенты, лекции, те же развлечения – книги, музыка. Та же непроницаемая оболочка молчания в родном городе. Наверное, понятно, что человеку необходим сочувственный отклик от тех, кто живет рядом. Здесь, в Одессе, это несколько друзей. И они тоже с головой погружены в повседневные заботы. На писание стихов время иногда можно найти, на обсуждение стихов – нет. Перед выходом первого варианта «Семейного архива» в Одессе я предложил несколько стихотворений из книги местному альманаху. Не прочитав стихотворений, мой «добрый знакомый» редактор сказал: «Это не интересно. Печатай книгу. Мы отзовемся». И отозвался – тремя строчками. Это был единственный отклик на мои стихи в родном городе за последние пять лет.

Виртуальный мир оказался реальной реальностью. Он собрал вместе тех, кого жизнь разметала по всему миру, в виртуальном пространстве оказалось возможным такое общение, которое в реальной жизни завершилось в конце восьмидесятых, т.е. пятнадцать лет тому назад. Мы порядком запутались в мировой паутине. Но она не сковывает движений, а поддерживает нас над почти даоской пустотой существования.

ИННА КУЛИШОВА

**АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ:
«ВЕЛИКИХ ЛИТЕРАТУР
НЕ СУЩЕСТВУЕТ,
СУЩЕСТВУЮТ
ВЕЛИКИЕ ПИСАТЕЛИ»**

Алексей Цветков

- Насколько знаю, Вы в Грузии не были больше 40 лет, а в Тбилиси так вообще ни разу. И тем не менее в Вашем блоге в небезызвестные октябрьские дни на юзерпике был вывешен грузинский флаг. Каковы Ваши впечатления от посещения Грузии на этот раз?

- Во впечатлениях еще предстоит разбираться. Мой первый давний визит в Грузию был мимолетным. Фактически, знакомство было только с курортным побережьем. Впечатления от нынешнего посещения незабываемые, и это не просто риторическая фигура. Я бывал во многих странах, но практически не помню такой, где хозяева были бы столь доброжелательны к гостям. Все остальное тоже замечательно – природа, еда и прочее, но гостеприимства, равного грузинскому, я не помню. Я всегда радуюсь встречам с людьми, которые лучше меня, это признак того, что у нас еще есть шансы на этой планете. Я думаю, что они выше всего именно в Грузии.

- Сегодня «грузинская и русская литературы живут сами по себе». Все прежние русско-грузинские литературные связи, как не раз говорилось, это «старый запас». Что происходит сейчас, надо (и стоит ли?) все создавать заново?

- Почти наверняка таких отношений, какие были

при советской власти, уже никогда не будет. Дело в том, что у тогдашней близости и сердечности была обратительная изнанка, она была построена во многом на фальши, а фактически даже на костях расстрелянных и наложивших на себя руки. Это застолье и дружбу финансировали палачи. И хотя это не обязательно наводит тень на дружбу русских и грузинских писателей, которая во многих случаях была совершенно искренней, но в той мере, в какой она существовала по заказу, она нам сегодня не нужна и, надеюсь, не понадобится никогда.

Но даже эта советская дружба по заказу оказала нам большую услугу – мы узнали, что рядом с нами, в маленькой горной стране, существует замечательная литература, которой по праву гордился бы любой народ. И сегодня мы увидели, что литература никуда не исчезла. Вот только дружбу надо возводить заново. И надо помнить, что мы в долгу перед нашими грузинскими друзьями, потому что Россия, со всеми ее сегодняшними капризами и гримасами – лучший путь для этих друзей на мировую арену. Если мы сами на эту арену стремимся, наша совесть будет чище, если мы приведем туда и наших грузинских братьев по перу.

- Есть тенденция, что чем моложе поколение, тем

меньше интерес к русской литературе, языку. Молодые литераторы, в основном, ориентированы на западную литературу. Какие будут дальше отношения, их вид, качество?

- К сожалению, я не могу сегодня с уверенностью сказать грузинским литераторам, что надо ориентироваться на современную русскую литературу. Она и сама сегодня намного маргинальнее, чем была когда-то – даже в советскую эпоху, при поддержке ядерного арсенала. Нефть и газ не сделают для литературы то, чего не в состоянии сделать она сама. Предсказывать, какую форму примут наши отношения, трудно. Но я вынес из своей поездки в Грузию впечатление, что из всех постсоветских литератур отношения с грузинской, потенциально, по крайней мере, могут быть наиболее тесными, у нас очень много общего прошлого.

А вот учить молодежь языку мы сами не сможем, для этого нужны прямые и корректные экономические связи с Россией. И слово здесь в первую очередь за Россией: она больше и сильнее, она должна быть и великодушнее, хотя пока что все ровно наоборот.

- Что происходит с русскими авторами на пространстве бывшего Союза и подальше, обусловлены ли значимые литературные тексты физическим и психологическим расстоянием по отношению к родному языку? Существует ли понятие топографического тупика по отношению к мировой литературе?

- Есть простое правило, из которого практически не бывает исключений: писатель не может ничего добиться в мире, если не добьется прежде у себя на родине. Родину я здесь понимаю в самом широком смысле, как поле действия родного языка. Попытка сократить маршрут и прорваться сразу в какую-то «мировую литературу» - самообман, мировой литературы не существует, она состоит из национальных. Топографических тупиков в этом поле нет, только творческие.

На пространстве бывшего союза большую часть писателей поразила амнезия. Они не могут совладать с прошлым собственной империи. Этот мозговой паралич сильнее всего свирепствует в России, но и другие страны тоже в числе пациентов. Пока не справишься с прошлым, будущее не наступит – это правило

не только для писателя, но и для всей страны.

- Верлибр на Западе давно в чести. Есть в перспективе русского языка, да и любого, исчерпанность рифм, или такого понятия не существует? (Как сказала Ахматова, «Я знаю

все рифмы русского языка». Тарковский, кажется, нечто подобное тоже говорил). Или «любовь-вновь», «роза-мороза» всегда приемлемы, и нет оттенка дурновкусия?

- Ахматовой случалось в жизни сморозить и поглупее, но нечасто. Ей почему-то не приходило в голову,

что традиционный набор кубиков, в который она всю жизнь играла, не существовал в русской литературе до Ломоносова, который в значительной мере позаимствовал его у немцев. И что новые кубики можно делать самому.

Никакого Запада не существует, существует множество стран со своими литературами и особенностями. В английской поэзии, к примеру, верлибр уже многим навяз в зубах, и набирает силу «неоформализм». Поэзия – не армия, где все должны ходить строем.

В России традиция верлибра довольно скудная, и мне известно не так много поэтов, которые писали верлибром хорошо и плодотворно. Часто это делают от беспомощности. Но силлабо-тоника имеет свойство навязать в зубах, и людям свойственно искать выхода.

Что же касается «затертых» рифм, то в них тоже нет никакого «дурновкусия» - оно всегда в авторе, а не в приеме. Мне случалось рифмовать «кровь-любовь», и я вполне этим горжусь.

- Любой стихок всегда опережает любую биографию. Лев Шестов был против мировоззрения, считая его остановкой в пути. Пишущему человеку вечная зыбкость, напрочь мешающая жить, необходима. Вы согласны?

- Категорически нет. Мировоззрение у меня есть – оно меняется с учетом новых и ранее неизвестных фактов, но это естественно. И я знаю философов поинтереснее Шестова, вся ценность которого сегодня – музейная. Для меня лично мировоззрение неотделимо от творчества, потому что я пишу о том, во что верю. Образ поэта как придурка, которого нельзя поймать на слове, мне претит.

- Вы, Гандлевский, Кенжеев, Сопровский основали в 70-х годах легендарную поэтическую группу «Московское время», определившую, по словам Виктора Куллэ, «на многие годы ... интонацию последующих стихотворцев». Это был определенный эстетический и этический кодекс поведения, без всяких манифестов и поз, круг литераторов – сегодня выдающихся поэтов, еще тогда «обуздавших в себе похоть печататься»; каждый сам по себе, и в то же время несколько человек, собранных вместе. Осталось ли что-нибудь сегодня от «загробного», как Вы однажды заметили, «Московского времени»?

- Литературное объединение – не рок-группа, тем более, что мы никогда не пели хором. Общность взглядов на поэзию, этику и политику у нас была в какой-то степени изначальная, мы не выступали с платформами и манифестами. Я рад, что мы до сих пор существуем и шевелимся – жаль, что Саша Сопровский не дождался до этого времени, его всем нам очень не хватает. В этом смысле «Московское время» никуда не исчезало, хотя в формальном понимании его никогда не было – просто был самиздатский альманах с таким названием.

- Вспоминаю Ваши слова о себе, что Вы не литературовед, а предмет литературоведения и просто являетесь «одновременно постановщиком и участником эксперимента, с которым мне трудно что-то сравнить: жизнь в шкуре поэта на протяжении нескольких десятков лет», и хотелось бы спросить: Вы 17 лет не писали стихов, «отрыв от производства» серьезный, срок немалый. Как жилось эти годы, «шкура» ощу-

На торжественном открытии фестиваля

щалась также или иначе? Это был принципиальный выбор – не писать стихов, или по Акутагаве: «У меня не принципов, у меня есть только нервы»?

- Об этом бессмысленно говорить, потому что ничего дельного не скажешь. Никаких мук в результате эффекта отторжения у меня не было, я жил, как живут все нормальные люди. Что же касается принципиального выбора, то даже самый принципиальный человек делает таковой от силы раза два-три в жизни. В данном случае никаких душевных терзаний тоже не было. Просто было чувство, что в настоящий момент мои стихи не нужны ни мне, ни кому бы то ни было другому. В последнем я мог ошибаться, в первом – вряд ли, уж никак не на протяжении 17 лет. В любом случае я провел это время не в пещере отшельника, я писал художественную прозу и стихи.

- Вы как-то заметили, что «Читатель – это мой любимый культурный герой. Без него я невозможен». Не могли бы Вы рассказать, на кого Вы рассчитываете, когда пишете? Этот тот самый читатель, который, как Вы пишете, «сумел достаточно вовремя разглядеть Пушкина, Мандельштама, Заболоцкого и Бродского, то есть русскому читателю, я склонен доверять. Он вправе меня судить», так ли это? И остался ли прежним Ваш читатель после перерыва в 17 лет?

- Самое глупое, что может делать автор, это выбирать себе читателей. Он может только надеяться, что они соответствуют минимальным требованиям, которые в любом случае избегает формулировать, даже для себя. Если припереть меня к стенке, я могу сказать, что идеальным читателем был бы такой, с которым у нас в значительной степени совпадает круг интересов и вкусы. Но я отчетливо сознаю, что реальных читателей от силы несколько тысяч, и чрезмерная разборчивость грозит уединением перед зеркалом. Я люблю читателей такими, какие они есть, хотя трудных случаев хватает.

Что же касается ситуации 17-летней давности, то с ней вообще смешно что-то сравнивать. Тогда реальными читателями, с которыми существовала обратная связь, была горстка друзей в Америке и считанные в России, с которыми еще не оборвалась переписка. Книги, выходявшие опять же в Америке, покупались неизвестно кем. А Интернет вообще не был фактором. Так что, по совести, тогда я на читателя просто не обращал внимания, как не обращаешь внимания на то же зеркало в ванной, когда механически чистишь зубы.

- Какие лично у Вас критерии в чтении стихов? Чей культурный герой лично Вы?

- Стихи я сужу по двум критериям. Во-первых, смогу ли я написать точно так же. Во-вторых, захочу ли. Вершины – это когда не могу, но хотел бы.

- И много ли таких сегодня?

- Если говорить о русской поэзии, а мой кругозор ею не ограничивается, и я не делаю для нее специальных патристических поблажек, то такой эффект трудно наблюдать на живых персонажах, просто потому, что они все еще «в пути», и выводы всегда скоропостижны. Я думаю, что к такому идеалу близок, допустим, Владимир Гандельсман. И напротив, некоторые другие известные поэты попадают в полярно противоположную категорию – не то, что я не могу написать как они, я даже брезгую об этом думать, настолько они невелики и неинтересны.

Есть, впрочем, разные типы замечательных поэтов, я не хочу стричь всех под один шаблон. Заболоцкий оказал на меня в свое время огромное влияние, и его приемы я обкатывал у себя многократно. А вот у Мандельштама, которого я люблю еще сильнее, взять практически нечего, не дается в чужие руки. Быть эпигоном Мандельштама – невозможное занятие.

- Вы считаете Шекспира неким водоразделом, причем абсолютно неадекватно переведенным на русский. Литература, упрощая, подразделяется у Вас на до и после Шекспира?

- Объяснять кто такой Шекспир в ответе на вопрос интервью бессмысленно. Об этом написана библиотека – увы, большей частью недоступная в России, как, впрочем, и сам Шекспир. Литература, на мой взгляд, делится не на до и после Шекспира, а на Шекспира и все остальное. Великие писатели были и до него, и после. Не было равного по проникновению в механизмы, которые нами движут, и по беспристрастности анализа.

На поэтическом вечере

Звиад Ратиани, Аннелиза Аллева

- Вы имеете в виду, в частности, и теорию Хэрлда Блума, выпустившего книгу «Шекспир: изобретение человека», где он утверждает, что Шекспир первым в истории цивилизации сумел представить человеческий характер в развитии, и открыл нам всем внутреннее зрение... Или, как Вы говорите, «изобрел самоподслушивание героя»...

- Над Блумом сейчас в США принято посмеиваться, он буквально наводнил рынок своими восторгами. Тем не менее, его главную мысль это не компромети-

рует. Мы действительно стали другими людьми после Шекспира, и наша литература об этом свидетельствует, причем не только высокая, а даже самая желтая. Такой взгляд на самих себе, такая степень рефлексии до Шекспира просто не существовали. Уже многократно отмечалось, что психоанализ изобрел не Фрейд, а Шекспир. Фрейд пытался задним числом объяснить Шекспира, но Шекспир гораздо раньше объяснил Фрейда.

Или возьмем Толстого, который Шекспира поносили неустанно. Это как если бы скрипач воспылал ненавистью к изобретателю своего инструмента.

- Не могу не упомянуть еще одну Вашу мысль: «Но никакого бога во вселенной Шекспира нет, поскольку она существует лишь условно, на бумаге и на сцене. Бог этой вселенной – автор. Но он сотворил персонажей своего мира, которых все мы с тех пор бессознательно имитируем, и поэтому все мы с тех пор – его творение. Похоже, что Шекспир оставил за собой не только приоритет, но и образец исполнения. Подобный мир больше никому не создать, поскольку такие гении вообще не рождаются, и если бы Шекспира не было, его невозможно было бы придумать – мы бы до сих пор верили в Бога»...

- Тут смешаны два понятия бога – фигура мифического творца вселенной и литературный прием, позволяющий автору видеть своих персонажей насквозь, что в реальной жизни, конечно, невозможно. Я, конечно, сам их смешиваю в приведенной цитате, но это отчасти каламбур.

- Как и Херсонский, но в отличие от Гандлевского, Вы огромное внимание уделяете виртуальному пространству, как он выразился, «эмиграции в блогосферу». В первую очередь чем это обусловлено? Вы уже настолько сильно привязаны к Интернету? Но Вы сами как-то заметили, что «Интернет вредит иерархии — не феодальной, как было в советской поэзии и во многом продолжается сейчас, а ценностной».

- Я не уделяю внимание виртуальному пространству в прямом смысле, это просто место публикации, встречи с читателем. У меня нет жалоб на журналы или книгоиздательства, меня вполне охотно публикуют, но такой публикации приходится ждать месяцы, и публикуемое уже самому себе неинтересно, мне лень читать, что я там такое писал когда-то. Кроме того, это – выступление перед темным молчаливым залом, для эмигранта вдвойне. В интернете людей встречаешь сразу, и сразу видишь их реакцию. В какой-то мере это возврат к архаике, потому что Гомер ведь тоже публикаций не дождался: что сочинил, то сразу и спел. То есть, такое положение вещей естественнее, чем в бумажном мире.

А иерархии нет в том смысле, что тебе никакой союз писателей лишней звездочки на погоны не добавит. Тебя либо читают, либо нет, и будь ты хоть фельдмаршал, это не поможет.

У меня в блоге тысяча читателей – некоторые из них существуют лишь формально, но многие читают, не зарегистрировавшись. Такой моментальной аудитории у Пушкина, скажем, не было, и вряд ли он побрызгал бы ею.

Я, конечно, выросал и мужал за пределами интернета, но в будущем, уверен, люди будут приходить в бумажное писательство (если оно вообще сохранится) именно оттуда.

- Вы пишете стихи прямо в компьютере или на бумаге, и влияет ли это как-то на поэтическую интонацию?

- Я пишу полностью на компьютере или на карманном компьютере. Надеюсь, что на интонацию это никак не влияет, я выбираю ее сам. Но это позволяет работать куда продуктивнее, перебирать больше вариантов, чем я это делал когда-то на бумаге. Компьютерный экран никогда не доведешь до нечитабельного состояния.

- В одном интервью, говоря о русской литературе в международном контексте, Вы сравнили английский язык с китом: это «огромное пространство... Тут плавают маленькие рыбки, скажем, Россия, Германия, Франция, все в одинаковом положении. Надо строить отношения с китом... Надо учиться жить с империей английского языка»...

- Великих литератур не существует, существуют

Котэ Кубанешвили

великие писатели. Все заслуги в литературе принадлежат только авторам, а не тиранам, министрам, цензорам, полицейским, частнопрактикующим патриотам и прочему сброду. В этом смысле ни с Толстым, ни с Достоевским ничего страшного не произошло и не произойдет, что бы ни происходило со всевозможными родинами и отечествами. И у обоих, да и не только у них, тиражи по-английски сегодня массовые. А у нас, остальных, задача попытаться писать не хуже.

Вот только есть одна загвоздка с английским языком – он не русский. Именно судьба языка в значительной мере зависит от судьбы государства. Мне вовсе не хочется думать, что русский станет когда-нибудь маргинальным диалектом.

- Вы сами поддаетесь искушению и пишете стихи на английском. Бродский однажды заметил, что английский лучше приспособлен для поэзии, чем русский. Это он сгоряча, или Вы согласны? Можно ли сравнить, например, те же рифмы, отступающие сегодня во всей европейской и американской литературе?

- Не совсем понимаю мысль Бродского. По мне, так именно русский для поэзии лучше, хотя утверждаю это с осторожностью, поскольку английский для меня неродной. В любом случае, спросим заочно у Бродского: если английский такой хороший, почему у

него самого русские стихи намного лучше?

В любом случае, поэтику английского трудно сравнивать с русской. Там как раз рифма сегодня возвращается, хотя и не победным маршем. Да и не исчезала никуда. И это я говорю совсем не в качестве пинка верлибру. Настоящая разница – не между формальной поэзией и верлибром, а между хорошей и плохой.

- «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Сегодня некому так сказать, да и стоит ли оно того? Вы написали стихи после Беслана, часто немедленно реагируете на любые события в российской жизни. Что Вы думаете о гражданской поэзии в России?

- Все-таки не на любые. И уж совсем не считаю себя эхом какого бы то ни было народа, а подкупить меня по-настоящему никто не пытался, так что об этом тоже рано судить. Просто, как я уже отмечал вверху, поэт во мне не живет отдельно от человека. И совесть у них общая. Я не люблю делить поэзию на лирическую и гражданскую, только на хорошую и плохую. Но если уж говорить о плохой, то гражданскую привилегию сегодня полностью присвоили фашисты. С другой стороны им отвечают молчанием.

- Вы как-то написали: «Если бы у нас не было Пушкина, он бы все равно возник так или иначе, не этот, так другой, потому что великая литература требует достойного старта. Он мог быть похуже фактического, или, как ни трудно себе представить, получше – откуда нам знать, если не с кем сравнивать». Что сегодня

В Театре царского подворья, на поэтическом вечере

с литературой? Назревает ли новая потребность?

- А куда, собственно, пропала старая? Люди ведь по-прежнему читают. Большинство читает мусор, но так было везде и всегда, со времен изобретения книгопечатания и начала массовых тиражей. А с литературой сейчас примерно то же, что и со страной – ничего не хотят знать и помнить, предпочитают ненавидеть и гордиться. Все это пройдет, вот только для литературы может оказаться поздно.

ИННА КУЛИШОВА

У водопада в Верхней Аджарии

«В ГРУЗИИ ТЕБЯ ЗАСТАВЛЯЮТ ЧУВСТВОВАТЬ!»

Елена Майзель

Среди гостей международного русско-грузинского поэтического фестиваля была **Елена Майзель** – главный редактор общероссийского вещания «Радио России» из Петербурга, редактор «Литературных чтений» на «Радио России», ведущая нескольких авторских программ, награжденная всемирным призом World Press Institute (США, 1999), первой премией на Всемирном фестивале радиопрограмм в Иране (2006).

- За полтора года я приезжаю в Тбилиси в девятый раз, - отметила Елена. - В прошлом году была шесть раз, в этом – уже третий. В России ощущается острый недостаток информации о Грузии, какой бы то ни было – от кухни, туризма до чувства реальной опасности. Если я кого-то из своих друзей приглашаю приехать в Грузию, на меня смотрят как на сумасшедшую. Потому что им кажется, что здесь небезопасно. Я могу рассказать о Грузии не только близким друзьям, когда они придут ко мне выпить коньяк или вино, которое я привезу в своем чемодане, в багаже. Потому что его привезти в страну открыто нельзя. Когда я приезжаю с коньяком – это одно, но я еще и журналист. И кроме друзей, могу рассказать о Грузии еще миллионам людей - слушателям «Радио России», главной государственной компании России - преемника Всесоюзного радио. Мы вещаем из Петербурга как на город, так и на всю страну. И у меня есть счастливая возможность сказать не тридцати друзьям и знакомым, а миллионам о том, что такое Грузия сейчас. Правда, к сожалению, то, что я расскажу, капля. Но капля камень точит. Я готова говорить о Грузии, посвящать свою работу взаимоотношениям наших стран. Потому что эта страна меня очень впечатляет. И не

просто впечатляет. Впечатление – кратковременное чувство. Ах – и забыла! А Грузия не забывается. Как будто в этом состоянии впечатления я все проживаю и проживаю... Я, конечно, бываю и в других странах. Но Грузия – моя самая любимая... Это уже почти на грани профессиональной непригодности – я слишком много выпускаю о Грузии передач.

- Вам не делают в связи с этим замечаний?

- Но я ведь главный редактор и сама должна делать себе замечания. Иногда я себя останавливаю, беру себя в руки. У меня очень много информации. Люди, судьбы, ситуации, обстоятельства, события...

- Феномен особой притягательности Грузии для россиянина – миф или реальность? И неизбежно ли расставание наших двух стран, судьбы которых так долго переплетены?

- Я надеюсь, расстаться не придется. Хотя сейчас двусторонние отношения напоминают тяжелый после-разводный роман, когда супруг не может позволить своей жене жить другой жизнью. Но с этой женой они прожили слишком долго... Впрочем, это вообще трудный для меня вопрос. По-моему, мы самые близкие народы – по вере, по чувству, по безудержности, строптивости, эмоциональности, по какому-то сумасшествию, если хотите. Я часто бываю в Европе... Хорошо знаю Голландию, Англию. Мне дороги изумительные, уникальные европейские музеи. Но при этом – холодный план, спокойствие, элегантность, эффективность, которые можно ценить, но сойти с ума от этого и все время возвращаться к этому нельзя. Европа всюду в чем-то похожая, одинаковая...

- Но Голландия отличается от Англии, не так ли?

- Безусловно. Но если брать с точки зрения мира,

в который входит, к примеру, такая субстанция, как Африка... Прошлый Новый год я справила в круизе – столица Гамбии Банжу – Сенегал – Острова Зеленого Мыса. Совсем дикие края. Если сравнить с ними или с Вьетнамом, Кубой, Доминиканской Республикой, островами Карибского бассейна, Мексикой, Венесуэлой, то страны Европы действительно одинаковы... Общий фон Европы – сиреневый. Элегантный, нежный.

- А Грузия какого цвета?

- Грузия выбивается... Никогда не думала, какого она цвета. Алая? Не алая... Алая, действительно. И рвущаяся вперед, и радостная, и чистая, и болезненная, и тяжелая.

Опять хочу сравнить. У меня есть эта счастливая возможность. Я была не только на юге, но и в Исландии, и на Белом море – у поморов. Там совершенно другие законы. Тебя встретят у палисадника. Если ты дошел как гость до крыльца, то это уже великий почет. Дальше тебя вообще не пустят. Там я не могла рассчитывать ни на гостеприимство, ни на помощь. В этих краях всю жизнь были варяги, шли битвы, царили холод, голод и очень жесткие отношения. И это отразилось на отношениях сегодняшних, в сфере цивилизации. Беломорский край – тоже Россия. Но это специфическая Россия. Грузия – полная противоположность северной России. Здесь тебе последнее отдадут. В Грузии тебя заставляют чувствовать. Тут ожидают то, что может спать как спящая красавица вечным сном. Холодным бургерам, рассчитывающим и просчитывающим каждый свой шаг, нужно приехать в Грузию. Я не уверена, что Грузия сразу подействует, чтобы разбудить этих спящих красавиц и красавцев, чтобы они перестали считать и научились чувствовать, радоваться, украшать жизнь себе и близким, наслаждаться каждым мигмом. Грузия – абсолютно гедонистская страна. Культ друзей, радости, красочности и удовольствия тут очень велик. Несмотря на тяжелое положение многих. У меня нет иллюзий, я смотрю на Грузию не в одной плоскости. Тем ценнее это ощущение счастья, солнечности, которое до сих пор несет Грузия. Невзирая ни на что. Лето здесь – блистательный, великолепный сезон – как в Петербурге белые ночи. По-другому – зимой. Новый 2007-й год я справляла в Грузии. Тбилиси освещен, но в домах холодно.

В Грузии непростое положение. У каждого храма, в который ты приходишь, чтобы возвыситься духом, очень много нищенствующих людей. Ты встречаешь на каждом шагу приметы очень трудной жизни. Но все равно Грузия – огромный источник энергии! Вообще наша жизнь – охота за энергией. А Грузия – это такой родник, из которого можно бесконечно черпать... И не хочется к этому относиться потребительски – черпать-то можно, но мне хочется и самой что-то отдать этой стране. Она мне так дорога...

Ухудшение российско-грузинских отношений стало для меня личным горем. Я подала документы на получение грузинского гражданства... Вот жду. Любопытно, что мы обратились по поводу гражданства в грузинское консульство вместе с журналисткой Майей Капанадзе – она наполовину грузинка, работает на телевидении. Не была в Грузии с детства.

Я возила в Грузию разных журналистов – одно время работала в США и привезла сюда американцев. Привозила и российских журналистов – благодаря Нино Джаиани, которая взяла на себя расходы.

А вообще все началось с того, что я поменяла квартиру и поселилась возле грузинской церкви. Там идет служба на грузинском языке, это настоящий грузинский приход. Я поселилась близко и так или иначе сюда заходила, еще не имея представления, что к

На пресс-конференции в РИА Новости

чему. Колокол зовет – я иду! Иду, ничего не понимаю, все на грузинском. Ну, красиво, многоголосие... А дальше пошли какие-то многозначительные события. Познакомилась с Нино Джаи-

У водопада

Участники фестиваля на Батумском бульваре

то вещи. Прихожу как в родной мир...

- Вы знаете алфавит?

- Читать умею. Мне очень нравится писать по-грузински. Для меня это какая-то высшая каллиграфия. Иногда у меня случаются очень тяжелые дни, и мы сидим вечером с дочкой – каждая занимается своим делом. Она готовит уроки, потом заходит ко мне и спрашивает, что я делаю. Смотрит, а я на листе красиво выписываю грузинские буквы. Это очень успокаивает, и такая красота! «Что это за узор? Это какой-то дизайн? Ты хочешь оформить какое-то кафе?» – удивляется дочь. «Это же грузинский!» - говорю я. И когда я вывожу эти буквы, ощущаю большую радость. Хожу как первоклассница и читаю. Что-то не удастся:

в одних учебниках так, в других – по-другому написано. В Тбилиси хожу, читаю вывески, запоминаю... Когда перед вылетом самолета слышу в аэропорту грузинскую речь, наслаждаюсь ее звучанием. Могу идти за говорящими и слушать, слушать...

- *За полтора года что-то изменилось в вашем ощущении Грузии?*

- В первый приезд это была эйфория, полный восторг. Я пригубила, хлебнула... и улетела. А потом были новые приезды. И если сначала было восхищение: «Какая демократия! Полиция изменилась... дома подсвечиваются... это другая цивилизация!», то сейчас я не могу так сказать, потому что вижу все проблемы. И сегодня я, конечно, не могу чувствовать себя как грузинка, как человек, живущий в этой стране. Потому что приезжаю сюда на короткое время, как турист. Но я за полтора года увидела очень много, и это осталось.

- *Что Вы увидели и что осталось с Вами?*

- Я увидела большую безработицу, большие проблемы людей, мужчин, которые готовы погибнуть, потому что не могут обеспечить свою семью. Я увидела много горя и много гордости. Все это – в квадрате. Потому что человек, который может унизиться, может заниматься чем придется, наверное, найдет себе какой-то приют... Люди, процветающие в советское вре-

Зажигательные танцы

мя, чувствовавшие себя пижонами, франтами, оказались в сложном положении. Я увидела это и еще больше влюбилась в этих людей. Они могут голодать, но если придет гость, ему подадут полные тарелки. Ни в Поморье, ни в Петербурге этого не сделают. Когда гость – Бог, это редкость. Но дело не в этом, а в той безудержной эмоциональности, которой я лично созвучна. Немного есть людей на свете, которые могут это понять, поддержать, оценить. Вот это моя страна! Говорят, кто-то эмигрирует в США, кто-то в Европу и дальше. Дело, наверное, не в куске хлеба, который они получают. Один обретает ощущение покоя, кто-то – перспективы, предсказуемости... и доволен. А третий ищет другого. Перспектива, предсказуемость и покой, наверно, человеку тоже важны, но не это главное. В Грузии есть иное – ощущение безудержности. Грузия непредсказуема... так же, как ваш президент и вся ваша политика, да и каждый ваш человек.

У меня здесь было тоже много непростых ситуаций, и неприятных тоже. Один человек из России, который тоже довольно долго жил в Грузии, спросил меня: «Почему ты так обожаешь Грузию? Ведь они живут по совершенно другим законам. И им в этих законах хорошо! Почему грузины самые лучшие актеры? Они придумывают, фантазируют влюбляются. Все – сиюминутно, и они совершенно не отвечают за это. Русский так не может. Ты вписалась в эти законы?» Пытаюсь но не очень пока получается. Когда тебе сегодня вечером обещают: «Вот завтра!...», завтра скорее всего ничего не будет.

- *А эта необязательность не разочаровывает?*

- Нет. Мы созвучны, потому что, как я сказала, безудержно-эмоциональны. По большому счету. Дальше – каждый по-своему. Русский – по-северному, грузин – по-южному. Они обещают больше, они обещают более страстно, более убедительно. Надо всегда устоять и понять, что никто из них не говорит неправду. В данный момент они действительно так считают. Правда, потом часто ничего не происходит.

- *Как Вы себя чувствовали на поэтическом фестивале?*

- Божественно, божественно. Я счастлива, что вывели столько людей из разных стран, и они очень созвучны со мной в моей любви к Грузии – наконец мы играем в четыре – шесть – восемь – шестнадцать рук. Потому что трудно жить соло. Наконец-то пришли люди, которые могут сыграть со мной в ансамбле. На фестивале возник этот ансамбль. Я уже чувствую себя в Грузии аксакалом, почти хозяйкой. На фестивале собралась удивительная компания - это собрание соответствий, диадема, на которой один камень другого лучше. Мы уже заготавливаем корвалол и валерианку, чтобы возвращаться домой и как-то пережить расставание – и друг с другом, и с Грузией. Николай Николаевич Свентицкий – блистательный продюсер. Можно представить, что он все выверяет. Но нельзя выверить такое соотношение наших соответствий на этом фестивале.

- *А Вы сами стихов никогда не писали?*

- Если можешь не писать, не пиши. Я могу не писать как поэт, но не могу не писать как журналист. Иногда я пишу красивые письма, красивые рисунки. Живя в Петербурге, рядом с домом Анны Ахматовой, я не настолько самонадеянна, чтобы позволить себе быть поэтессой – к тому же слишком занята, чтобы это делать.

- *А журналистика – именно то, без чего вы не можете?*

- Вообще я большой авантюрист.... Закончив факультет журналистики Петербургского университета, начала работать в телерадиокомпании РТР. То есть фактически долгие годы у меня одно место работы. А я очень люблю экспериментировать, что-то менять. Но я не могла себе этого позволить – семья, дети. А сейчас я в другой точке отчета. Одна дочка год будет учиться в Германии, потом в Аргентину поедет. Старшая окончила Академию художеств – специалист по художественной экспертизе. Сейчас я на той стартовой точке, когда могу и хочу что-то менять. Как только представится возможность, поеду в Африку. Не терплю однообразия...

ИННА БЕЗИРГАНОВА

АПОСТОЛ АТОМНОГО ВЕКА

Открытие памятника

Однажды, в начале марта 1982 года, в отдел науки информационного агентства «Грузинформ», где я тогда работал, позвонили сотрудники Института физики АН ГССР. Они интересовались, кому военные открывают бюст на территории между их институтом и штабом Закавказского военного округа (ныне там расположено Министерство обороны Грузии). В тот же день в соседней комнате редакции отбивались от звонков штабистов, спрашивавших, кому это установили памятник грузинские физики. Корреспондент, отправившийся на место события, не смог до конца прояснить ситуацию, узнав лишь, что открыт памятник Кириллу Щелкину, кажется, ученому.

Оно и неудивительно. Блестящего физика-ядерщика и в то же время одного из самых засекреченных людей в СССР Кирилла Ивановича Щелкина широкая общественность почти не знала. Между тем, он внес огромный вклад в развитие атомной науки и реактивной техники, создав целое научное направление «Гидродинамика горения», разработал теорию турбулентного горения, открыл явление спиновой детонации, улучшил систему взрывобезопасности в горной промышленности. К.Щелкин был ключевой фигурой в процессе реализации Советского атомного проекта, одним из пятерых ученых, которые уже к 1953 году первыми в СССР удостоились звания трижды Героев Социалистического Труда и трижды лауреатов Сталинской премии первой степени. Вот их имена: И.В. Курчатов – научный руководитель Атомного проекта; Ю.Б. Харитон – Главный конструктор атомного и термоядерного оружия; К.И. Щелкин – первый заместитель Главного конструктора; Я.Б. Зельдович – начальник теоретического отдела; Н.Л. Духов – заместитель Главного конструктора.

Кирилл Иванович был также лауреатом Ленинской премии, кавалером многих орденов.

Кирилл Щелкин родился 17 мая 1911 году в Тбилиси в семье топографа по землеустройству, губернского секретаря Ивана Ефимовича Щелкина и учительницы младших классов Веры Алексеевны Щелкиной, в девичестве Жикиулиной. Мальчика крестил священник Феодосиевской церкви Тифлиса отец Михаил (Гриднев).

В Грузии семья прожила недолго. В 1915 году Щелкины перебрались в Эривань. А еще через три года – на родину отца будущего ученого – в Смоленскую губернию. Но и там они не задерживаются. Врачи рекомендуют Ивану Ефимовичу, страдающему туберкулезом, сменить климат, и в 1924 году семья поселяется в городе Карасубазар в Крыму. Кирилл совмещает учебу в школе с более или менее случайной работой. Последнее становится особенно актуальным после смерти отца в 1926 году.

В 1928 году юноша поступает на физико-технический факультет Крымского педагогического института в Симферополе, который заканчивает с блеском. К слову, несколькими годами раньше этот же институт окончил Игорь Курчатов. За успехи в учебе выпускника премируют брьюками и предлагают работу директором школы в Ялте. Но молодой человек принимает первое судьбоносное для себя решение – ехать в Ленинград, в Институт химической физики и полностью посвятить себя научной деятельности.

Институт химической физики, который в те годы возглавлял Н.Н. Семенов, занимался тогда, в основном, изучением процесса горения. Кирилл Щелкин, лаборант с окладом 250 рублей (его молодая жена работала тогда учительницей в школе и получала 750 рублей в месяц), выбрал для себя специальность «Горение и детонация газов и взрывчатых веществ». В 1938 году он защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Экспериментальные исследования условий возникновения детонации в газовых смесях», которая привлекла внимание научной и технической общественности страны. Кирилл Иванович продолжал исследования. В ноябре 1946 года он защитил докторскую диссертацию, после чего Игорь Курчатов привлек исследователя к разработке взрывных систем атомных бомб. «Меня до сих пор поражают его первые работы, - писал через много лет о Щелкине Ю. Харитон, - необычайно прозрачные и классически строгие». Н.Семенов утверждал, что в ранних исследованиях Кирилла Щелкина «разрешен ряд серьезных методологических трудностей, в результате чего создан безупречный метод объективной регистрации быстро протекающих взрывных процессов». Между

защитой двух диссертаций была война, на которую 30-летний кандидат наук ушел добровольцем. Воевал рядовым артиллеристской разведки. Но вскоре был отозван и направлен на другой фронт – на научную разработку проблем горения в реактивных двигателях для авиации. Участие Кирилла Ивановича в войне в качестве рядового дало впоследствии повод Игорю Курчатову шутить, обращаясь к младшему товарищу: «Наше дело солдатское. Сказал генералу: «Кругом!», он и побежал».

Доступ к вопросам создания первой советской атомной бомбы был крайне ограничен. В круг посвященных входили один, да восемь, да три - всего 12 человек. Один – это председатель Совета Министров СССР Иосиф Сталин. Восемь – члены Специального комитета (СК) – нового государственного органа управления всей деятельностью по использованию атомной энергии, созданного Сталиным 20 августа 1945 года, сразу после взрывов в Хиросиме и Нага-

саки. Возглавлял его заместитель председателя СМ СССР Лаврентий Берия. В состав СК входил и руководитель Атомного проекта Игорь Курчатов. Еще три – это руководители сверхсекретного конструкторского бюро КБ-11 по созданию атомного оружия П.М. Зернов, Ю.Б.Харитон и К.И. Щелкин. Ни Политбюро ЦК, ни министр обороны, ни министр иностранных дел информацией об этой работе не располагали.

Первый заместитель Главного конструктора Кирилл Иванович Щелкин одновременно на-

значается начальником научно-исследовательского сектора, в который входят все десять лабораторий, теоретический отдел и все полигоны КБ-11. При этом он еще и начальник пятой лаборатории, где ведутся исследования ядерного заряда в целом и осуществляется руководство натурными испытаниями. Внимание к работе КБ-11 со стороны высшего руководства СССР было огромным. Известны сталинские слова: «Предоставим Курчатову неограниченные кредиты, но будем контролировать». Ученые не испытывали недостатка ни в кредитах, ни в контроле. И когда 30 августа 1949 года Лаврентий Берия и Игорь Курчатов в отчете Сталину о предварительных результатах испытаний нового оружия отмечали, что «создание атомной бомбы в нашей стране достигнуто благодаря Вашему повседневному вниманию, заботе и помощи в реализации этой задачи», у Курчатова эти слова шли от чистого сердца. Отвечая на вопрос, кто является отцом со-

ветской атомной бомбы, авторы исследования «Советский Атомный проект», пишут: «И.В.Курчатов?... Ю.Б.Харитон?... Да, сложная структура, обеспечившая успех, возглавлялась именно этими людьми. Но рядом с ними стояли К.И.Щелкин, Я.Б.Зельдович, Н.Л.Духов, Е.И.Забабахин, П.М. Зернов и другие. Получается некий вариант коллективной ответственности. И, на наш взгляд, он вполне отвечает на вопрос, кто является родителем нашей атомной бомбы. Другое дело, что огромная заслуга Курчатова и Харитона состояла в том, что они смогли сформировать такой коллектив единомышленников и одновременно ярких индивидуальностей, которому оказалась по плечу поставленная задача».

В середине 1954 года было принято решение о создании второго ядерного центра для работы в параллельном режиме с Арзамасом-16. И Кириллу Ивановичу Щелкину предстояло организовать, стать Главным конструктором и научным руководителем нового объекта – «Челябинск-70» (сегодня – город Снежинск, расположенный между Челябинском и Екатеринбургом). К работе в ядерном центре привлекли совсем молодых специалистов, среди которых был ныне известный грузинский ученый, академик Джумбер Ломинадзе, закончивший физический факультет Московского государственного университета имени М.Ломоносова в 1955 году. «На физфаке прошел слух, - вспоминает ученый, что к нам приезжают два «закрытых» академика для отбора лучших студентов на очень важную работу. Этими академиками оказались Андрей Дмитриевич Сахаров и Яков Борисович Зельдович. Они беседовали с нами о статической физике, квантовой механике, гидродинамике и многих других вещах. В результате были отобраны Леша Говорков, Вадим Гурьев, Олег Крохин, Игорь Михайлов, Боб Мордвинов, Слава Розанов, Гена Филиппов, Саша Филюков, Саша Хлебников, Леня Шибаршев и я. Тогда мы и не подозревали, что эти события были связаны с правительственным решением об организации ядерного центра на Южном Урале, т.н. «Челябинска-70».

По словам Джумбера Ломинадзе, « десант » из 11 выпускников внес существенную лепту в работу коллектива в условиях формирования ядерного центра. В 1957 году при активном участии молодых специалистов прошли успешные испытания, ставшие важным шагом в совершенствовании термоядерных зарядов. Это достижение было отмечено присуждением Ленинской премии ведущим разработчикам заряда, среди которых был и Кирилл Щелкин.

О своем руководителе и земляке грузинский академик вспоминает очень тепло. «Он отличался редкой требовательностью к сотрудникам, - рассказывает Джумбер Ломинадзе. – У него на столе стоял телефон без диска. Когда Кирилл Иванович поднимал трубку, ему должны были немедленно ответить. Однажды ответа сразу не последовало. Через некоторое время трубку взяли и услышали слова руководителя: «Вы уволены!» Справедливости ради, надо отметить, что таким же требовательным Кирилл Щелкин был и к самому себе. Помню я и такой случай. Молодые сотрудники завели в институте традицию вместе делать физзарядку во время перерыва. Однажды я проводил зарядку неподалеку от кабинета Щелкина. В какой-

то момент, показывая упражнение, я увидел самого Кирилла Ивановича, повторявшего наши движения. Коллеги его не видели, потому что он стоял у них на спиной. Заметив мое замешательство, Кирилл Иванович дал мне знак продолжать упражнения, а сам до конца оставался с нами”.

Все, знавшие Кирилла Щелкина, вспоминают о нем, как об отзывчивом, добром и удивительно остроумном человеке. Он предложил коллегам на людях упоминать объекты «Челябинск-70» и «Арзамас-16» под кодовыми названиями, поскольку называть эти объекты и их местонахождение было строго запрещено. «Челябинск-70» с легкой руки Кирилла Ивановича стал называться «Женовой» из-за расположенного в его окрестностях красивого озера, а «Арзамас-16» – «Шарконтон», сокращенно от «шарашкина контора». Ученый самозабвенно любил оперу и, бывая в Москве, никогда не отказывал себе в удовольствии посетить Большой театр. Он очень легко сходилась с людьми. Среди его друзей были и сотрудники по работе, и люди, никак с наукой не связанные – писатели, художники, музыканты, архитекторы. Причем, он вел себя одинаково при общении со своим аспирантом и, к примеру, с композитором мирового уровня.

В 1960 году Кирилл Щелкин вышел на пенсию по инвалидности. Ему тогда было всего 49 лет, и объективно он мог бы еще долго работать. Причиной такого решения стала, как полагают, принципиальная позиция Игоря Курчатова и Кирилла Щелкина о необходимости приостановить испытаний новых, более мощных ядерных бомб. К тому времени уже было обосновано, что эти испытания не так уж безобидны. Высшее руководство СССР во главе с Никитой Хрущевым ученых не поддерживало. В 1960 году на 57-м году жизни умер Игорь Курчатов. Через восемь лет ушел из этого мира и Кирилл Щелкин. Ему тоже было 57.

- Постановление Верховного Совета СССР об открытии бюста Щелкина в Тбилиси было принято с большим опозданием, - говорит Джумбер Ломинадзе.

- К нам приехал сын Кирилла Ивановича – Феликс Кириллович, который участвовал в выборе места, где будет установлен бюст. Его открыли между Институтом физики АН Грузии и штабом ЗакВО, как бы символизируя тем самым связь фундаментальной науки и военной техники. На торжества, связанные с открытием памятника, приехали коллеги Кирилла Ивановича из центра “Челябинск-70”.

«Мы, члены делегации, посетившие Тбилиси в связи с открытием памятника основателю и первому руководителю нашего института Кириллу Ивановичу Щелкину, обращаемся к Вам со словами глубокой благодарности за то внимание, с которым руководство и научная общественность Тбилиси отнеслись к этому событию и пребыванию нашей делегации. Из-за характера своей работы К.И. Щелкин не был достаточно хорошо изветен, поэтому для нас было приятной неожиданностью то, с какой поистине грузинской широтой души и размахом было организовано это торжество. Грузинские художники – скульптор Г. Тоидзе и архитектор Г. Чичуа создали запоминающийся образ К.И. Щелкина, не только достоверно воссоздавший его внешний облик, но и передавший главные черты его целеустремленной, сильной личности. Мы навсегда сохраним воспоминания об этих прекрасных днях

и глубокую благодарность грузинскому народу за то, что он принял в свое сердце память о дорогом нам человеке, выдающемся ученом К.И. Щелкине», - сказано в письме, направленном гостями руководству Тбилиси.

В 2001 году в связи с 90-летием со дня рождения Кирилла Щелкина мэрия грузинской столицы направила письмо руководителям и сотрудникам созданного им института. «Жители города Тбилиси, - говорится в нем, - с глубоким почтением и гордостью хранят память о нашем выдающемся земляке Кирилле Ивановиче Щелкине – блестящем исследователе, создателе и научном руководителе центра «Челябинск-70». В связи с 90-летием со дня рождения Кирилла Ивановича руководство Тбилиси и представители научной общественности города соберутся у памятника К.И. Щелкину, чтобы еще раз почтить память выдающейся личности. Желаем соратникам и преемникам Кирилла Ивановича, а также всем жителям славного города Снежинска процветания и благоденствия».

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Памятник К.И.Щелкина

Песня о Самегрело

В юности у Годердзи Букия была мечта показать людям этот прекрасный край, с его традициями и песнями, которые покорили бы весь мир. Ему это удалось в полной мере. Доказательством тому служит проведенный в Хоби уже в третий раз международный фестиваль «Песня о Самегрело», душой и учредителем которого является Годердзи Букия, член Парламента Грузии от Хобского мажоритарного округа и президент Международного благотворительного фонда «Хоби».

В организационную группу, помимо международного благотворительного фонда «Хоби», Международного центра грузинской народной песни, администрации уполномоченного президента в Самегрело-Земо Сванети, сакребуло и управы Хобского района, входили Гурам Ахалая, Паата Бурчуладзе, незадолго до фестиваля безвременно ушедший из жизни Гайоз (Гоги) Букия, Бадри Берая, Заза Горозия, Анзор Еркомаишвили, Зураб Эрквания, Константин Кемулария, Мариам Микадзе, Зураб Соткилава, Мераб Чочуа, Владимир Джанджгава.

Автор символики фестиваля – заслуженный деятель искусств Грузии, художник Эмир Бурджанадзе. Режиссер фестивальных мероприятий – Гоги Кавтарадзе. Художественный руководитель – Гомар Сихарлидзе.

Фестивальные мероприятия проводились при финансовой поддержке инвестиционно-строительных компаний «Профиль» (Россия), компаний «Бадагони» (Грузия), Национальные авиалинии Грузии, Владимира Джанджгава, Мераба Чочуа, Ваню Чхартушвили, президента Союза грузин в России Михаила Хубутия и других.

Приветствие организаторам и участникам фестиваля направил президент Грузии Михаил Саакашвили: «Грузия посвятила не один праздник грузинской полифонической музыке. Для популяризации нашей народной песни и выявления еще раз ее глубин проведение совершенно уникального фестиваля мегрельской песни является важным и весьма отрадным событием. Прошедшая через тысячелетия грузинская песня, наилучшим образом выражающая характер нации, является мощным и прекрасным средством для завоевания человеческих сердец.

Мы строим государство, где бережно и с большим почтением относятся к своим предкам, многовековым традициям и к истории страны, сохраняют дух народа.

Позвольте еще раз пожелать вам успешно служить нашему дорогому наследию – грузинской народной песне».

Нынешний фестиваль, как и предыдущие, проводится с благословения Католикоса-Патриарха Всея Грузии, архиепископа Мцхетского и Тбилисского, Святейшего и Блаженнейшего Или Второго. «Этот фес-

В музее народной песни

тимальный еще раз напомнит всем о том великом вкладе, который дети этого уголка внесли в развитие грузинской культуры. Мегрельская песня – выразитель прекраснейшего, нежнейшего и в то же время могучего духа нашего народа, духа, который на протяжении веков выстоял перед огнем и мечом, коварными замыслами тысяч разного рода пришельцев. Своей самобытностью, своим неповторимым звучанием народная песня осталась неотделимой и избранной жемчужиной нашей многообразной культуры, и сегодня тоже предстает силой, дарующей чудесную благодать», - говорится в приветствии патриарха.

Сам Годердзи Букия отмечает, что праздник народной песни был задуман с целью противопоставить музыкальным подделкам проверенные временем, непреходящие ценности, сохранить и передать потомкам великие традиции народного песенного творчества одного из ярчайших уголков Грузии - Самегрело.

Третий международный фестиваль превзошел два предыдущих и по масштабам и по значению. В нем приняли участие более 800 человек - фольклорные коллективы из разных уголков Грузии, исполнители из 14 стран мира, в том числе России, США, Канады, Норвегии, Греции, Голландии, Германии, Австралии...

В первый день фестиваля состоялся большой концерт, на котором прозвучало свыше 30-ти мегрель-

ских песен в исполнении музыкантов как из различных городов и районов Грузии, так и зарубежных стран. В составе одного из интернациональных ансамблей пела мать супруги президента Грузии, Магда Руловс ван дер Пуль. А две мегрельские песни вместе с ансамблем «Рустави» и Зурабом Соткилава исполнила и первая леди Грузии Sandra Руловс, что вызвало в зале всеобщий восторг. Выступил и большой хор «Золотые гости» - своеобразная команда певцов мира, в которую вошли представители почти всех континентов.

Наряду с уникальным мегрельским фольклором, значительное место в программе фестиваля занимала современная грузинская эстрада, в большом эстрадном концерте впервые прозвучали 20 новых песен ведущих композиторов страны.

В рамках фестиваля состоялся юбилейный вечер-концерт нашего прославленного тенора Зураба Соткилавы, в котором приняли участие и другие выдающиеся мастера музыкального искусства: Елена Образцова, Маквала Касрашвили, Пата Бурчуладзе.

Знаменательным фестивальным событием стало и открытие в Хоби музея народной песни имени Дзуку Лолуа, где экспонируются личные вещи известных деятелей в области фольклора, аудиозаписи, картины, литература. Любой, кто пожелает, может теперь на месте ознакомиться и послушать народные песни в исполнении замечательных певцов прежних поколений. В будущем здесь будет открыта школа народной песни, в стенах которой будут готовить певцов и хоровых дирижеров.

К празднику народной песни вышло в свет семь книжных изданий и девять аудио-компакт-дисков. Один из них – уникальное собрание аудиозаписей «У истоков грузинского вокала» с сопроводительным текстом профессора Нодара Андгуладзе и посвящением Зурабу Соткилава. Это обнаруженные в архивах Парижа и Берлина записи Вано Сараджишвили, Филимона Коридзе, который еще в 1871 году пел на сцене «Ла Скала», Иосифа Томашевича, родившегося в Ахалцихе и впоследствии блиставшего в «Метрополитен-опера».

Благодаря поддержке Международного центра грузинской народной песни (руководитель Анзор Эркомаишвили) и фонду «Хоби» были переработаны и дополнены четыре тома из серии «Мастера грузинской народной песни – Самегрело».

Издан также исследовательский труд-каталог Анзора Эркомаишвили «Грузинские фонозаписи за рубежом» (1901 - 1950).

У Хобского фестиваля еще одна важная миссия, с которой он успешно справляется, – содействовать

Фольклорный концерт

Пресс-конференция

Поет Первая леди

диалогу культур и народной дипломатии. Ведь ничто, наверное, не может пойти на пользу этому большому и важному делу лучше, чем грузинская народная песня.

Не могу не отметить особо и то, что с благословения Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии Второго Годердзи Букия строит в Хобском

районе монастырский комплекс, где будет располагаться и резиденция патриарха Грузии.

Мне хотелось бы с восхищением и признательностью пожелать Послу Мира Годердзи Букия кавказского долголетия, счастья, благополучия и новых добрых дел на благо Грузии!

ИЯ КВАТАДЗЕ

КОРНЯМИ УХОДЯЩИЕ В ПРИРОДУ

Быстротечные ценности рая природы, благодатные летние дни!.. Итак, на календаре – июль, с его разноцветьем и разноцветьем, щедрым солнцем и громом внезапных гроз.

«На весь его недолгий роздых/Мы целый дом ему сдаем./Июль с грозой июльский воздух/

Снял комнаты у нас внаем./Июль, таскающий в одежде/Пух одуванчиков, лопух./Июль, домой сквозь окна вхожий./Все громко говорящий вслух./Степной нечеловеческий растрепа./

Пропахший липой и травой./Ботвой и запахом укропа./Июльский воздух луговой».

Волшебство строки Пастернака обретает вдруг в июле ощутимую плоть – и действительно распахиваем мы навстречу лету долгожданному не только окна и двери, но и самые потаенные уголки души, где зажатая грузом повседневных забот и проблем ждет своего часа неутолимая жажда поэзии и красоты. Эта жажда заложена в каждого из нас уже генетически, многими поколениями наших предков, живших в тесной связи и согласии с природой.

Сколько народной поэзии и мудрости, сколько размышлений о жизни и судьбе впитала наша родная речь! Образное слово, береженное в поговорке, приговоре, в строке из месяцеслова (так на Руси раньше назывался календарь) – это как осколок того забытого нами чуда, имя которому – народный язык. Иное слово невольно обращает нас к истокам жизни народа, его культуры, уходившей своими корнями в дохристианскую эпоху, младенческую пору славянства.

Вот и говоря о лете, так и хочется сказать привычное – «лето красное». А слово «красное», как известно, в древнерусском языке означало «Красивое». Вслушаемся в глубинную поэзию этих слов – ведь желаем мы друг другу многих не осенью, не зимой, а летом.

И прожитые года свои исчисляем годами. Значит, подспудно народная мудрость, заложенная в слове, диктует наполнять годы нашей жизни красотой на многие лета, щедростью даров природы и солнечным теплом. Было и еще одно основание у славян исчислять годы жизни годами. Летняя пора была завершением всего года, его итогом. В Византии, а затем и на Руси нача-

ло нового церковного года отмечалось 1 сентября. В XIV веке на Руси с этой даты стали исчислять начало и гражданского нового года. И только по указу первого русского императора Петра Великого наступление нового 1700 года стало отмечаться с 1 января. По юлианскому календарю, но не от сотворения мира, а от Рождества Христова. Как известно, юлианский календарь был введен в 46 году до нашей эры верховным правителем Рима Юлием Цезарем. И конечно, летоисчисление по нему велось не от Рождества Христова. Кстати, и летний месяц июль получил свое название от имени Юлия Цезаря.

Новый григорианский календарь, которым мы сегодня пользуемся, был введен в Европе начиная с XVI века, а в России лишь после Октябрьской революции. По сравнению с ним юлианский календарь в XX столетии отставал на 13 дней. Русская православная церковь до сего дня пользуется все-таки юлианским календарем, так называемым старым стилем, который сохраняется и в старинных календарях – месяцесловах. Первый церковный месяцеслов был составлен известным христианским богословом – философом и поэтом Иоанном Дамаскином в VII веке. А наиболее законченный, полный вид придал ему византийский император Василий II Болгаробойца в конце X века. Вместе с принятием Русью христианства пришел на русскую землю и месяцеслов, в котором указывалось время христианских праздников, дней памяти важ-

А.Г. Венецианов. На пашне: Весна

нейших святых. Церковные месяцесловы постепенно прочно закрепились в народном сознании. Но самое интересное, что многовековой опыт наблюдений над явлениями природы, поверья, уходившие своими корнями в языческую древность, русский народ сумел органически связать с церковным календарем. Так родился на Руси свой, народный русский земле-

дельческий календарь. И была в нем почти забытая нами сегодня поэзия древних русских обрядов, поверий и ритуалов. А почитаемым христианским святым приписал русский народ чудесные свойства покровительства и заступничества, охраны человека, домашних животных и птиц, пчел, земледельческого труда, ремесел, торговли.

Вот и в июле календарь Православной церкви отмечает Рождество Предтечи и Крестителя Господне Иоанна. А на Руси этот день называли и до сих пор называют днем Ивана Купалы. Рождество Иоанна Предтечи совпало с древним русским праздником летнего солнцеворота – одним из важнейших праздников народов языческой Руси. Хотя из-за несовпадения юлианского и григорианского календарей сегодня день Ивана Купала отмечают на две недели позднее летнего солнцеворота. Этот день праздновался в честь южнославянского бога плодородия, урожайного лета и лекарственных растений Купалы. В честь него проводились два традиционных очистительных обряда – купание в воде и прыгание через огонь (очищение огнем и водой). И как ни старалась православная церковь очистить сознание новообращенных христиан от следов язычества, но в христианской Руси день Ивана Купалы отмечали и продолжают отмечать все так же весело и торжественно. На празднике опоясывались перевязями из цветов, на голову надевали венки из трав и цветов, водили хороводы, пели песни, разжигали костры и прыгали через них. Обязательным обрядом в этот день было обливание водой каждого встречного. На Руси накануне этого дня начинали купаться в реках и озерах. А девушки, загадывая на суженого, плели венки и пускали их по течению реки – куда прибьет волна венка, там и ищи суженого. Одним из самых веселых обрядов этого дня было избавление от чучела Мары – древней богини зла и тьмы. С днем Ивана Купалы связывались в поверьях славян различные чудеса. Ни в коем случае в эту ночь нельзя было спать, так как она самая короткая в году и всякая нечисть буянила во время нее с особой силой. В народе говорили: «Иванов день – день ведьм, оборотней, колдунов, домовых, водяных, русалок, леших и другой нечистой силы». По поверьям, считалось, что ведьмы на Купала отбирают у коров молоко, портят хлеб, леший пугает всех, кто входит в лес, а слепая змея медянка получает на день зрение и становится очень опасной для человека. Возле костров выставляли обычно караульных, чтобы не подпустить ведьм, которые могли появиться во время народных гуляний возле очистительного огня, обернувшись кошкой или собакой. По преданию, бытующему до сих пор в народе, в полночь на Ивана Купалу один раз в год расцветает папоротник и открываются все клады, зарытые в землю. Около полуночи на одном из листьев папоротника появляется шальная почка, которая на глазах растет и ровно в полночь с треском раскрывается, и появляется прекрасный огненно-яркий цветок. А через мгновение неведомая сила срывает этот цветок, и слышится щебетание и голос нечистой силы. Не из этого ли поверья родилась волшебная сказка об аленьком цветочке – одна из любимых сказок нашего детства? Вот и шли те, кто похрабрее, в купальскую полночь в глухие лесные места на поиски заветного алого цветка папоротника. Найдешь, успеешь сорвать

раньше нечистой силы – обретешь счастье до конца жизни. А наутро парни и девушки, взявшись за руки, шли по первой росе, чтобы, омывшись ею, встретить лучи восходящего солнца. «Утренняя роса – добрая слеза: ею лес умывается, с ночкой прощается».

В Древней Руси называли июль «солнцеворотом», «макушкой лета», а первое имя его в народном календаре – «липец», так как именно в этом месяце начинала цвести липа. Так называют июль до сих пор и в Польше, а украинцы и белорусы величают «липнем» – по поре наполненных ульев с липовым медом. Древние славяне считали пчел Божьими угодницами – воск на свечи доставляют. А еще верили, что пчелы жалят только грешников.

В самой древней, дошедшей до наших времен русской книге «Остромирово Евангелие» упоминается еще одно древнерусское название июля – «Червень» или «красный месяц». Родилось это название от слова «червь», так как в июле собирали насекомых – червецов, которых использовали для изготовления красной краски. От слова «червец» в древнерусском языке образовалось слово «червлевый», что равнозначно современному понятию «красный». Вот и получается, что июль – червец – самый красный месяц лета красного. А еще это месяц полевой страды, созревания трав, первой жатвы. Начиналась страдная пора тяжелого ручного хлеборобства в знойную летнюю жару. Жатва – это традиционно дело женских рук. Не потому ли образ крестьянки с серпом, согнувшейся над жнивьем, стал в русской живописи и поэзии любимейшим образом женщины-кормилицы земли русской.

Эти гордые лбы винчианских мадонн/ Я встречал не однажды у русских крестьянок,/ У рязанских молодок, согбенных трудом,/ На току молотящих снопы спозаранок... (Д. Кедрин).

А на покос выходили мужчины. Нам, горожанам XXI века, живущим в другом измерении, где живая, дышащая земля давно уже упрятана под асфальт, нам едва ли дано понять, сколько физической силы, сноровки и настоящего мастерства требовал этот тяжелейший труд от крестьянина-косца. Чтобы вот так, «раззудись плечо – размахнись рука», вроде бы играючи, пройти, позванивая косой, от края поля и до края. И труд этот рождал не стон изнеможения, а песню. Помню, как потряс меня впервые прочитанный рассказ Ивана Бунина «Косцы». Казалось, и это высокое,

А.Г. Венецианов. Гумно

пропитанное летним зноем небо, и запах свежескошенной травы, и песня – все это врывается в твою в общем-то очень городскую суетную жизнь и делает тебя вдруг частицей такого незнакомого, огромного и почему-то очень родного мира.

«Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее – и пели... Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им. Кругом нас были поля, глушь серединной, исконной России... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглухшими колеями, следами давней жизни наших

«Сейтель». Палех

отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной – Богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели... Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» – подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни... Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами – и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу».

Да прости меня читатель за столь обширную цитату, но есть минуты, когда соприкасаешься с волшебством слова настоящего, большого мастера, и нет сил прервать это волшебство, и хочется поделиться с другими, потому что дарует оно нам редкое, почти забытое, пронзительное ощущение корней своих, почвы, на которой все мы выросли, глотка родниковой воды – поэзии жизни наших предков, нашей общей культуры. Закрученные в круговерти своих ежедневных за-

бот и обязанностей, перемещаясь по плавящемуся от зноя асфальту из одной бетонной коробки в другую, мы и живое, сочное слово «природа» (заметили?) все чаще заменяем словосочетанием «окружающая среда». А ведь «родина» и «природа» (вслушайтесь!) – слова из одного корня выросшие. Подмена одного неизбежно скажется подменой и другого в нашем сознании. Отсюда уж совсем недалеко и до стремительно прогрессирующей в наши дни болезни – душевной глухоты. Потому и зову читателя вернуться к нашей теме – на природу, в жаркие летние дни. Но теперь уже – дни августа.

«Как ясен август, нежный и спокойный,/Сознавший мимолетность красоты./Позолотив древесные листья,/Он чувства заключил в порядок стройный.//В нем кажется ошибкой полдень знойный, —/С ним больше сродны грустные мечты,/Прохлада, прелесть тихой простоты/И отдыха от жизни беспокойной.//В последний раз, пред острием серпа,/Красуются колосья наливные,/Взамен цветов везде плоды земные.//Отраден вид тяжелого снопа,/А в небе журавлей летит толпа,/И криком шлет «прости» в места родные».

(К. Бальмонт)

По древнеримскому солнечному календарю последний месяц лета был шестым в году и назывался соответственно «секстилисом». Но в I веке до нашей эры получил он имя «август» в честь внучатого племянника Цезаря Октавиана, которому сенат преподнес титул «Август», т.е. «возвеличенный богами».

В Древней Руси август тоже был шестым месяцем, но величали его «серпень»: в эту пору серпами жали хлеба. В наши дни такое наименование сохранилось в Украины, Сербии и Польше. Много и народных прозвищ у августа: государь страды, собери́ха-приласиха, густарь-густоед, хлебовень, капустник. «Густырь», – записал Даль об августе и сделал пояснение: «Всего в избытке, густо едят». А на страницах «Остромирова Евангелия» встречаем мы еще одно древнеславянское название августа – «зарев»: «...лица августа рекамаго зарева». Зарев – месяц холодных зорь, венец и закат лета и по всей Руси – праздник жатвы. Поспевал хлеб, который спасал от голода, наделял силой. Еще во времена язычества родилась у славян традиция благодарить богов, чтобы они не рассердились и не отняли следующий урожай. У наших предков, славян, жатва сопровождалась красочными праздниками, ритуалами, которые бережно передавались от поколения к поколению. В начале жатвы отмечались «зажинки», а в конце – «дожинки». Огромное значение придавалось первому сжатому снопу и последнему. В древности считалось, что именно эти снопы наделены особой силой богов. Их украшали лентами и цветами и с песнями проносили по деревне, чтобы не миновала сила этих живительных снопов ни одного дома. Из зажиночного снопа пекли первый хлеб нового урожая, а дожиночный сноп ставили в избе, в красный угол, как желанного гостя.

По древним славянским, литовским и германским преданиям урожай зависел от духов стихии. Носятся эти духи по воздушному пространству, нисходят на землю оплодотворяющим семенем дождя и в материнских недрах земли преобразуются в хлебные злаки. При уборке урожая эти добрые духи-полевники прячутся от серпа и косы в тех колосьях, которые ос-

таются на корню. Но часть полевикув с последними колосьями попадают в руки жнеца и в дожиточном снопе – на гумно или в дом крестьянина. Вот почему этот сноп наряжали и помещали на почетное место. Из него изготовляли куклу в виде ребенка. В зрелом хлебе наши предки видели прекрасное дитя, рожденное плодотворной землей. И сегодня даже в городских домах, чаще всего на кухне, можно увидеть такой милый талисман – хранитель благополучия и достатка, соломенную куклу. Хотя о происхождении этого древнеславянского символа мало кто из городских жителей уже мог бы рассказать.

В старину считалось, что, растя хлебные злаки, духи-полевикки заготавливают запасы для своего пропитания, подобно тому, как пчелы запасают для себя мед. И если уж крестьянин пользуется плодами деятельности полевикув, то должен он помочь духам перезимовать без нужды. Следуя этому старинному обычаю, до сих пор в деревнях России крестьяне оставляют на полях несколько не срезанных колосьев, в саду – яблоки, на току – немного обмолоченного зерна. По поверьям, это залог богатого урожая на будущий год. Жницы, которые отдали силу жнивью, на дожинках валялись по полю с причитаниями: «Жнивка, жнивка, отдай мою силку в каждую жилку». Эту традицию, пришедшую из глубокой старины, пришлось мне наблюдать как-то в Бенокове, одной из станиц Кубани. После сбора урожая на огородах сжигают усохшую ботву, перекапывают грядки (чтобы земля задышала), а потом выходит хозяйка в белой длинной рубашке (исподнем), начинает перекапываться по свежевскопаным грядкам и просит землю-матушку «дать ей силы и приплода и урожая огороду». Подобный обычай сохранился до сих пор и в Болгарии.

В конце августа на Руси отмечали хлебный день: «Хлеб на стол, так и стол – престол, а как хлеба ни куска, то и стол – доска». А еще август – месяц яблок. Помните, у Ивана Бунина: «Ядреная антоновка – к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился».

19 августа Православная церковь отмечает День Преображения Господнего. На Руси Преображение называют Яблочным Спасом. До этого дня принято было яблоки не есть и вообще старались из овощей и плодов есть только огурцы. А со дня Яблочного Спаса начинали есть любые овощи и фрукты. Утром в этот день приносят яблоки в церковь и освящают их. А потом эти плоды принято не только самим есть, но и обязательно раздавать нищим, больным, знакомым и незнакомым. Удачей считается приход в дом гостя, которого можно и попотчевать и яблоками одарить. «Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие... под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, – антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», – а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горош-

ком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, – крепкий и сладкий-пресладкий...» (И. Бунин).

В северных областях России, в деревнях, сохранилась и в наши дни старинная традиция: за обеденным столом на Яблочный Спас обязательно оставлять одно свободное место – на случай, если сам Христос в гости на угощение пожалует.

А в последние дни августа, когда вечера уже становятся зябкими и перелетные птицы собираются в стаи, принято было всем селом выходить за околицу, провожать закат солнца, а с ним и лета. Пели прощальные песни до первых звезд и дожидались главного, феерического подарка уходящего августа – звездопада.

«Август – астры,/Август – звезды,/Август – грозди/Винограда и рябины/Ржавой – август!/ Полновесным, благосклонным/Яблоком своим имперским,/Как дитя, играешь, август,

Как ладонью, гладишь сердце/Именем своим имперским:/Август! – Сердце!/Месяц поздних поцелуев,/Поздних роз и молний поздних!/Ливней звездных –/Август! – Месяц

Ливней звездных!» (М. Цветаева)

Уже много лет подряд в конце августа мы с друзьями выезжаем в Кахетию. Там, в селении Пшавели, нас ждет гостеприимная, хлебосольная грузинская

Яблоневый сад

семья. Ночью я выхожу во двор, увитый виноградом, и смотрю, как звезды, прочерчивая бездонное небо, летят к земле. И я знаю – где-то там, в Подмоскovie, на даче мои близкие друзья сейчас смотрят в это же ночное небо и загадывают желание на эту же падающую звезду. И небо у нас общее, и звезды. Да и желания, которые мы загадываем, в общем-то, очень похожи. А потом я захожу в дом, где уже пируют мои друзья тбилисцы и радушные хозяева. И прежде чем присоединиться к ним, я приставляю к столу еще один свободный стул, и перед ним на чистую тарелку кладу душистое сочное яблоко – русскую антоновку, выросшую в Кахетии, а рядом – янтарную сладкую гроздь кахетинского винограда: а вдруг сам Спаситель постучится в двери нашего дома...

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

«Реквием»

БАЛЕТ, БАЛЕТ, ТЫ БОГ МОЙ!

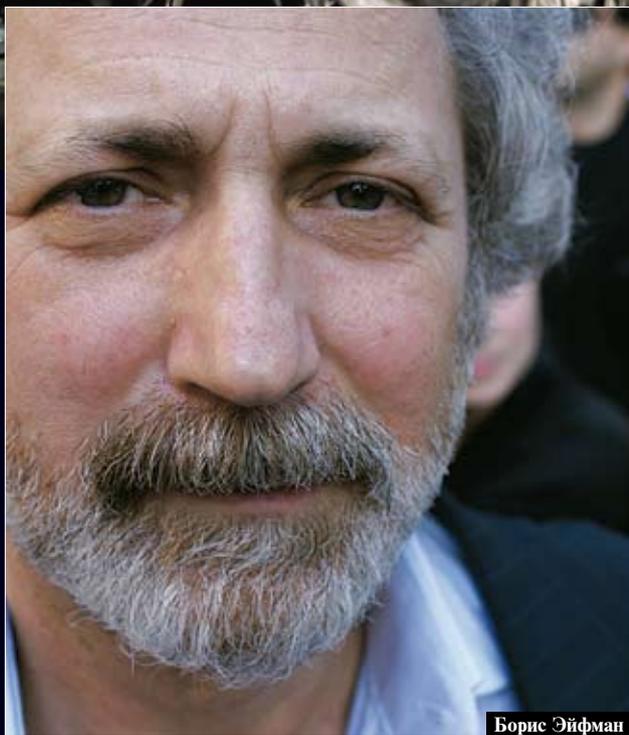
Балеты Эйфмана погружают в водоворот неисчерпаемой фантазии, символизма, образов, рождающих бесконечные ассоциации. В его хореографии есть элементы акробатики, приправленные жгучей эротикой, но при таком разнообразии проступает единство образной стилистики – «почерк Бориса Эйфмана».

Образы при всей глубине отличаются «пушкинской простотой», доступной только гениям, благодаря чему пластика в его танце становится воплощением человеческой души.

И всегда полотно его хореографии наэлектризовано.

Универсальный характер его творчества не может не вызывать особый интерес. В город знаменитых балетных традиций Ленинград, он приехал из Кишинева, где окончил балетную школу. Балет «Гаянэ» (1972 г.) на музыку А. Хачатуряна на сцене Малого театра оперы и балета был началом его блистательного творческого пути. В 1977 году он создал свой театр «Новый балет», впоследствии переименованный в Санкт-Петербургский государственный академический театр балета. За годы своей творческой деятельности Борис Эйфман создал более 40 балетов, которых отличает дыхание новизны. 30 лет его театр триумфально шествует по всем континентам.

Эйфман однажды приезжал в Тбилиси, но лично мы не были знакомы. И при первой встрече с великим хореографом я невольно произнесла: «Давно мечтаю увидеть самого Бориса Эйфмана». Маэстро улыб-

Борис Эйфман

Борис Эйфман принадлежит к элите мировой культуры, за ним прочно утвердилась слава хореографа, мыслителя и новатора. Его называют убежденным романтиком, экспрессионистом, художником вселенских чувств.

Маэстро стремится постичь глубокие пласты сознания, ранее недоступные хореографии.

В кругу интересов хореографа величины полярные – красота и дисгармония, жизнь и смерть.

Герои его постановок – личности неординарной судьбы: Чайковский, Мольер, Павел I, Ольга Спесивцева, герои произведений Достоевского, Эмиля Золя, Михаила Булгакова.

нулся и произнес: «Вот он я». Все в нем было просто и естественно. Он не развеял образа Творца – седая грива волос, артистизм во всем облике, поразительная деликатность.

Мы сидели в репетиционном зале. Шел обычный урок, разминка перед спектаклем уникального балетного коллектива. Поражала внешняя фактура этих блистательных интерпретаторов балетов Бориса Эйфмана. Большинство артистов очень рослые: рост 180см встречается даже среди женского состава, что для балета довольно редко.

- Борис Яковлевич, - задаю вопрос, - очевидно, кто попадает в вашу труппу практически получает все: интересную гастрольную жизнь, успех, карьеру, прессу.

- Далеко не каждый может работать в нашем театре, посвятить себя такому тяжелому труду, пройти жесткий путь совершенствования. Но этот труд дает творческую отдачу, истинное самоощущение артиста. Это уникальные артисты, артисты-танцовщики, наделенные редкой физической одаренностью.

Артисты Эйфмана связаны с репертуаром, с теми творческими задачами, которыми живет его балет, открывающий философские и эмоциональные возможности танца.

Исполнители Эйфмана разительно отличаются от артистов классического, традиционного балета. Разница в координации, атлетизме, характерной выразительности. Великолепный кордебалет. Звездами можно назвать всех, но и среди них есть лидеры.

- Я вспоминаю нашего ведущего премьерера Валерия Михайловского. Какой успех принес ему образ князя Мышкина в балете «Идиот». Он сделал очень

много интересных ролей и прожил большую творческую жизнь в нашем театре, - рассказывает Борис Яковлевич. - Потом он создал Санкт-Петербургский мужской балет, который называют новой страницей в истории русского балета.

- А что Вы скажете о Валентине Морозовой?

- Она создала образы Маргариты, Терезы Ракен, фон Мекк и многих других поставленных для нее ролей. Моя Муза, вдохновительница. И самая замечательная ее роль – это роль матери нашего с ней сына – Саши.

- Борис Яковлевич, у истоков вашего театра стояли блистательная прима-балерина Мариинского театра Алла Осипенко и замечательный танцовщик Джон Марковский.

- Да. И должен отметить, что их вклад неоченим. Я знаю, что без них был бы другой театр и другой хореограф Эйфман.

- А как происходит отбор? У вас большой конкурс?

- Не могу сказать, что к нам сейчас стоят толпы. Но мы ищем таланты. Это большая «селекционная» работа. Мы связаны почти со всеми училищами и театрами России. И мы рады, когда видим, что молодой артист рожден для нашего театра. А такие артисты есть. Если я не вижу в своей труппе актеров, которые могут реализовать мой замысел, я не ставлю спектакль. Каждая новая идея рождает новую технику. Я стараюсь быть свободным в ее выборе. Когда рождается новый спектакль, я забываю все, что делал и узнал раньше. И заново открываю для себя танец и изобретаю движения. Вхожу в этот божественный ритм. Я сочиняю хореографию, показываю ее артистам сам. Хореогра-

«Мусагет»

«Реквием»

«Реквием»

На репетиции

фический текст всегда авторский. Меня радует, когда я чувствую рядом горячие сердца, горящие глаза моих актеров, их желание творить вместе со мной.

Наш театр учит артистов чувствовать и осмысливать то, что они делают. Окунуться в свой внутренний мир, найти нерв. Движения, идущие изнутри, имеют совсем другое звучание. Но все, разумеется, зависит от уровня таланта. Только тогда начинает появляться степень высоты, и в зал поступает магическая пульсация...

Первый день гастролей был приурочен к открытию памятника Джорджу Баланчину (скульптор Важа Микаберидзе), и это придало балету «Мусагет» особую значимость. На торжественном митинге около оперного театра Борис Эйфман сказал: «Нам особенно приятно, что наш приезд совпал с этим знамена-

тельным событием. Балет «Мусагет» мы привезли в Тбилиси, город, который свято чтит память Джорджа Баланчина. И это наш дар великому мэтру. Премьера балета «Мусагет» прошла в Нью-Йорке и была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося хореографа».

В интервью грузинскому телевидению Эйфман назвал Баланчина своим учителем. Их объединяет многое. Город на Неве, учеба в Петербургской консерватории. Музыкально Баланчин был блестяще образован. Музыка для обоих стала движущей силой, первоосновой танцевального процесса.

- Когда я впервые погрузился в мир баланчинских балетов, то был потрясен личностью самого Баланчина и уже не мог освободиться от этого очарования, – говорит Борис Эйфман. – Его жизнь прошла в балетном зале и была подчинена творчеству. А творчество было вдохновлено его судьбой.

«Мусагет» – в переводе с греческого «водитель муз» – одно из прозвищ Аполлона. Так назвал Эйфман свой балет о Баланчине. Через весь спектакль проходят метафорические образы его муз, рожденные его творческим воображением. Это не биографический балет – полифоническое мышление, связь небесного и земного объединяет музыка Баха и творческие искания Баланчина, музыку его души. Тут и борьба чувств, поиск возвышенного, грезы любви и озарение. Эмоции скованы идеальной формой. Танцевальную энергию подчеркивают световые эффекты, благодаря которым стиль всего спектакля становится приподнято-возвышенным. В финале балета классическая музыка сменяется грузинским песнопением. Звучит песня «Зов земли».

- Должен заметить, – поясняет Борис Яковлевич, – что Баланчин был глубоко верующим... Уход из жизни возвращает его к своим корням, в страну предков, с которой он чувствовал свою глубокую духовную связь.

И еще мысли Бориса Эйфмана о балете «Мусагет».

- Это мое восхищение им, это дань признания балетной России тому, кто так гениально развил и усовершенствовал традиции русского балетного театра и сделал действительно возможной эволюцию танца от XIX к

XXI веку.

Завершающим аккордом гастролей стал «Реквием» Моцарта – символ веры, спасительная сила человеческого духа. Интерес к спектаклю был особенно велик. В зале присутствовало духовенство.

Следуя музыкальной архитектонике, каждый исполнитель вел свой пластический голос, вливаясь в этот удивительный танцевальный мадригал.

Хореографические картины захватывали экспрессией и пронзительной красотой. Огромный крест на заднем плане сцены воспринимается как ключ символики и органично вписывается в хореографическую ткань постановки. Внезапные остановки музыки несут

метафорическую нагрузку, подчеркивая напряженную драматургию.

Лаконичное световое и графическое решение дополняет музыкальную и танцевальную целостность балета. Вдохновенная пластика в полной гармонии служит свободному выражению эмоций, что впечатляет не меньше, чем музыкальное исполнение этого произведения хором и оркестром.

До начала спектакля я спросила маэстро:

- Вы писали, что ни в одном своем спектакле не были так внутренне обнажены, как в моцартовском «Реквиеме». Вы ставите себе вопросы: «Что есть я? Откуда я? Зачем я? Это те вопросы, на которые искал ответы Лев Толстой.

- И не только он. Слушая «Реквием» Моцарта, я ощущаю дыхание вечности. Ты пронизан неосознанным предчувствием божественной тайны. Возвращаясь к началу, к своей памяти, к трудно и счастливо прожитым дням. Моя память вводит незащищенного юношу в мир, воскрешает испытания зрелости, жизненную мудрость и бессилие старости. Это круговорот жизни и смерти, их соединение в природе вечности. Божественные звуки Моцарта говорят о том, что мы приходим в этот мир и уходим, оставляя память о себе и надежду на то, что наша жизнь не кончается. Я невольно заглянул в себя, в свой внутренний мир и даю ответ как хореограф и человек на то, что я делал. Я во власти Бога, и каждый новый балет это пространство, которое становится частью моей жизни. Бессмертие духа – это знаковый элемент. И это уже не погребальная песня, а бездонное ощущение страданий, надежды и любви к человечеству.

Ослепительно белый цвет финала балета «Реквием» символизирует торжество жизни, светлое восхождение души, переход в другое измерение высших сфер.

Зрительный зал то сотрясался аплодисментами, то погружался в молитвенную тишину.

Сцена утопала в цветах. Друг хореографа Автандил Данелия специально заказал редкие белые цветы, которые ранним утром доставили из Батуми.

Зрители долго не расходились. Шел обмен мнений.

«Нет слов выразить свой восторг, – делилась своими впечатлениями актриса Мака Махарадзе. – Я не впервые смотрю постановки Бориса Яковлевича. И каждый балет – сенсация! Если бы вы видели балет «Мастер и Маргарита», библейские сцены с Иешуа не подлежат описанию! А последний балет «Кто есть кто?» об эмигрантах на Западе, где хореограф открывает новые возможности эстрадного жанра».

Подхожу к народной артистке Грузии Вере Цигнадзе. «Какой импульс я получила сегодня. Очарована. Красота! Это эликсир жизни. Вот для чего человек должен идти в театр!»

В раздумье стоит кинодокументалист Игорь Нагорный. Он снимал приезд Баланчина в Грузию. Смотрел его постановки. Вместе со мной и Котэ Махарадзе работал над документальным фильмом «Чародей танца» (танцует Вахтанг Чабукиани). «После того, что я увидел сегодня здесь, – взволновано произнес он, – я хочу жить!»

На вопрос о друзьях в Тбилиси Борис Яковлевич сказал:

- Сохраняю дружеские контакты с Робертом Стурюа, Гией Канчели. С художником Муртазом Мурванидзе мы работали над балетом «Мастер и Маргарита». Когда я учился на балетмейстерском факультете

в Ленинградской консерватории, моим педагогом был Георгий Алексидзе. Он и сегодня там преподает. Большая дружба связывала меня с балетмейстером Юрием Зарецким. Когда 25 лет назад я приезжал в Тбилиси, у меня был очень интересный круг грузинской интеллигенции. И это было замечательное время».

- Близится 100-летие со дня рождения Вахтанга Чабукиани... И мы не сомневаемся, что вы приедете и почтите память этого гениального танцовщика.

- С большой радостью приехал бы, если будет приглашение. Я общался с Вахтангом Михайловичем, но он тогда уже не танцевал. Но я видел в записи его балеты, его постановки в Ленинграде. Он внес большую лепту в развитие не только русского, но и мирового балета. Его идеи по реставрации классического репертуара пошли по всему миру.

- Могут ли тбилисцы надеяться, что увидят балеты «Анна Каренина» и «Мастер и Маргарита»?

- Я бы хотел привезти их в следующий раз, но это связано с большими финансовыми трудностями.

- Вашему балету 30 лет. Творческая группа, с которой вы приехали к нам, впервые в Грузию. И каковы впечатления?

- В приеме, который нам был оказан, соединилось много компонентов. Это и признание нашего творчества, и какая-то ностальгия по общению с русской культурой. Традиции общения грузинской и русской культур всегда, но на какой-то период это было искусственно прервано. Но публика своим радушием, гостеприимным приемом ответила, что наши связи и контакты необходимы...

«Культурным шоком» называют многие зрители впечатления, которые оставили гастроли Санкт-Петербургского государственного академического театра балета.

Это не традиционный балет. Это новый язык хореографии, в который так гармонично влились и классика, и модерн, и экзотические импульсы человеческого тела.

Это подлинно современное балетное искусство. Его мощная энергетика потрясает. Это балет XXI века признанного во всем мире хореографа Бориса Эйфмана...

Мои вопросы к маэстро не были исчерпаны. Но nonetheless я спросила его только о досуге.

- Вы имеете в виду хобби? Его нет. Не хватает времени. Я должен успеть многое, реализовать все то, что ниспослано мне Богом...

НЕЛЛИ УЗНАДЗЕ

ОРГАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРЕДЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

То зашипят, как вскипевшие чайники, то загудят, как пчелиный улей. Студенты пыхтят, свистят, мычат, кричат, рычат, хрипят и трещат. И вдруг взмахом руки Русудан Моисеевны все стихает. Будто от самого ярко-зеленого ковра, которым застелена маленькая сцена, начинает подниматься мерное «о», потом «а», «ми», «ме», «му». Звук движется, растет, поднимается вверх. И ты уже представляешь себя затерянным в полутени залов древнего египетского храма, где жрецы воспевают хвалу богам.

Гости из Казахстана глядят заворуженно, некоторые пытаются повторять. Группа преподавателей и студентов из Алма-атинской академии искусств побывала на занятии в ходе своей недельной поездки по обмену опытом. Они, по сути, стали первыми «посторонними» зрителями на открытом уроке сценической речи. Урок проводят студенты-первокурсники актерской русской целевой группы для Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

В последнее время русские группы в Театральном стали явлением нетипичным. Причин тому немало. Однако, в 2006 году впервые за последние шесть лет состоялся набор русского курса. «Идея создания группы возникла у Грибоедовского театра и «Русского клуба», потому что труппа всегда нуждается в новых кадрах. Мы обратились к правительству нашей страны с просьбой о создании русского курса. Очень благодарны, что такой курс был создан, и со временем пополнит труппу нашего театра. Для работы с курсом мы пригласили замечательную актрису, народную артистку Грузии и России Ариадну Всеволодовну Шенгелая, которая много лет проработала в нашем театре» – отметил президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий.

«Я благодарна театру, и лично Николаю Николаевичу Свентицкому за приглашение сотрудничать с замечательным университетом театра и кино. Счастлива работать с талантливой молодежью», – говорит Ариадна Всеволодовна. Помогает ей в работе с курсом ассоциированный профессор Анатолий Иванович Лобов.

Конец учебного года в вузах подразумевает сессию. В творческом вузе, таком как Грузинский государственный университет театра и кино им. Ш.Руставели, к сессии относятся особенно ответственно. Особенно первокурсники. Предстоит сдать восемь предметов. «В расписании, к нашему великому сожалению, недостаточно количества часов по истории русской литературы. И совсем отсутствует такой основополагающий для русского актера предмет, как история русского театра. Благодаря нашим меценатам мы нашли возможность пригласить двух педагогов – Донару Канделаки и Манану Гегечкори. Наши ребята посещают занятия, чтобы углубить свои знания в этих областях. Думаю, странно выглядит русский актер, не знающий Качалова или Щепкина», – поясняет Николай Свентицкий.

Студентам предстоит показать все, чему они научились за первый год обучения, сложный и интересный. Для каждого из них – это определенная ступенька. Что они думают о выбранной профессии?

ПРЕВРАЩЕНИЯ НА ЧЕРДАКЕ

Занятия группы проходят, как правило, в аудитории, любовно называемой студентами «наш чердак». В «чердак» этот невозможно не влюбиться. Если, конечно, вы сможете его отыскать. Поднимаетесь на второй этаж, потом вдоль по длинному коридору. Затем направо по крутой винтовой лестнице, еще три ступеньки, затем по глухому коридорчику. Взбира-

етесь на две высоченные ступени, опускаете ручку двери, и «выше нас только звезды», как шутит Ариадна Всеволодовна. «Наш чердак» представляет собой уютное творческое пространство. Слева примостилось старенькое пианино. Вверху друг против друга два маленьких оконца. Из одного виден кусок неба, из другого – угол консерватории и гора святого Давида с луковкой церкви. В глубине комнаты – старый сейф, где бережно хранятся принесенные из дома чашки, старый удлинитель, чьи-то брюки, пустой флакон от парфюма и прочие мелочи. В углу – нечто, служащее одновременно диваном, столом и сундуком, заваленное самыми неожиданными предметами. Летом на чердаке жарко и душно, зимой – холодно. Чем ближе к экзаменам, тем больше кипят страсти на чердаке.

«Никакой легкости, – неустанно повторяет Ариадна Всеволодовна. – Четче, короче, злее. Илья, ты понимаешь, что я говорю? Ты сейчас загнанный в угол преступник». Репетируют этюды, которые, как известно, могут быть художественными, музыкальными и даже шахматными.

Ариадна Всеволодовна интересуется моим мнением. «Задавайте им вопросы об их героях», – обращается она ко мне. Я сначала растерялась, но спасибо ребятам – помогли. Героиня этюда «Пошутил» девушка-каратистка, у которой вор решил отнять сумку. Но кроме пары отработанных приемов ничего получить

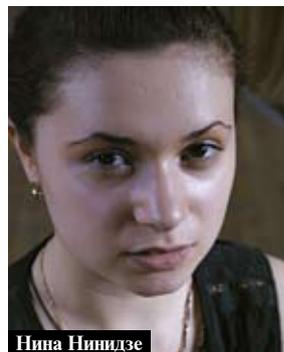
- запекает звонкий, как колокольчик на морозе девичий хор. Оборванный аккорд гитары – и занятие окончено.

После занятия ребята наперебой отвечают на мои вопросы.

Сессия началась с экзамена по сценической речи

Медя Мумладзе

Нина Нинидзе

Илья Кенадзе

у профессора Русудан Паремушавили. Программа состоит из трех частей – речевых, голосовых и текстовых упражнений, каждое из которых импровизация. Эту черту группы отмечают все преподаватели – усердие и умение импровизировать.

Вдруг появляется из-за кулис Нина, легко вскарабкивается на пристроенную к стене лестницу и зовет, протягивая голос до самого чрева закулисья – «Ильяаяаяя!» На что последний протяжно отвечает – «Нинаааа!» Дальше читают отрывки из «Илиады» Гомера и «Витязя в тигровой шкуре» Руставели. Аудиторией правит голос. Высокий, звучный Гектора-Саши и приглушенный Париса-Ильи. Ему вторят низкий голос Елены-Нинии, глубокий Андромахи-Медей и тонкий Ключницы-Нины. Все получают высшую оценку в 40 баллов. «Ребята все очень сосредоточены, очень хотят учиться, стараются. Могут сказать без преувеличения, что задачу по сценической речи за год одолели. Это моя первая русская группа. Мне хотелось бы остаться с ними и на будущий год, мы отлично сработались. Наши отношения строятся на взаимном доверии. У каждого педагога свой метод работы», – говорит Русудан Моисеевна.

Идем дальше. Следующий экзамен – классический танец. Собираемся у дверей зала. Вдруг вихрем влетает Медя. Она только что с выпускного экзамена в музыкальной десятилетке. Запыхавшаяся подбегает к нам и радостно выдыхает: «Фу, успела!». Студенты разбредаются переодеваться. Педагоги занимают место у окна. Заиграла аккомпаниатор, и заструились всевозможные батманы. Друг друга чередуют менуэт, полонез, вальс, полька, русский танец, степ, перенося нас во времена, где нет места современным ритмам. Экзамен проходит на одном дыхании. Ариадна Всеволодовна, аплодируя, произносит: «Я ощутила нирвану от старины, от прошлого, от воспоминаний». Ребята удаляются за ширмы. Преподаватель танцев Нина Борисовна Махатели поясняет: «Студенты обучаются предмету в течение шести семестров. В программу первого курса входит обучение классическому станку, историко-бытовым танцам XVII-XIX веков. Мы дополнительно осваиваем элементы русского танца, так как это русская группа, и степ. Могут сказать, что все ребята выросли в творческом плане. Ведь они впервые стали за балетный станок, а это непросто. Так что на будущий год я жду от них больше творчества».

На следующий день – сразу два экзамена. С утра – грузинский танец. Предмет преподает известный тан-

Портрет в стиле Пикассо

не смог. «Я же пошутил», – неуклюже оправдывается исполнитель роли Ильи. «Со мной больше шутить не будешь!» – зло улыбается героиня Медей и уходит.

Следующим репетируют этюд «Соперники». Простенькая история о том, как двум простым парням нравилась одна девушка, и как одному из них повезло больше, и она пошла с ним в кино.

Недолгая смена декораций. В углу вдруг возникает палатка, собранная из досок и большой косынки. Приступают к последнему на сегодня этюду – «Археологи». У импровизированного костра расположилась вся группа, кроме Васи, который собирает большую сумку. Он уезжает на раскопки в Египет. И все бы хорошо, если б ни долгий, грустный взгляд Медей, провожающий его от палатки к веревке с бельем и обратно. «Миленький ты мой, возьми меня с собой...»

Подземка

Озарение

уставшая, но довольная группа расходится по домам. Впереди – главный экзамен.

МАГИЧЕСКИЙ РЕНТГЕН

Последнее занятие в этом семестре. Подготовка к экзамену по актерскому искусству идет полным ходом. Энергичными шагами входит на чердак Анатолий Иванович. «Тетрадки на стол», – говорит он, резко отодвигая стул. Тетрадки повествуют об «их жизни в искусстве». Специально для меня занятие начинается с тренинга «Шкала эмоциональных тонов». Своеобразный удар по нервам. Силу искусства ощущаю на себе буквально. Тени актеров снуют по комнате, а Илья рисует мой портрет. Занятие проходит на максимуме эмоций и моих впечатлений.

«Готовность постоянно должна быть! Тема дана, и я требую, что бы вы искали решения!» – звучит под сводами чердака его голос.

Анатолий Иванович приятно удивлен тем, что во время прогона ребята ни разу не повторяются. После каждого этюда – «творческий полукруг» - разбор, советы, самокритика. Магический рентген – когда зритель на сцене смотрит на игру актеров, а видит себя и ощущает собственные переживания. Уникальность театрального искусства состоит в том, чтобы в сотый раз играть так, будто впервые.

«Результат – маленькая верхушка айсберга, за которой стоит рутинная ежедневная работа, потому на экзамене все получается легко. К чести группы надо сказать, что они с удовольствием занимаются «черной работой» – туалетом актера. Это удивительно, есть группы, которые хотят сразу перейти к отрывкам. А эти – нет», - рассказывает Анатолий Иванович. Комментарий группы на сей счет очень прост – «если ты не пройдешь эту самую «черную работу», то не сможешь делать «белую» хорошо. А еще сюда пришли те, кто понимает, что такое актерское мастерство и хотят в совершенстве им овладеть».

Ребята внимательны, раскованны, могут органич-

кор Национального балета им. И.Сукишвили, доцент университета театра и кино Роберт Дарахвелидзе. В высоких зеркалах зала отражаются движения грузинских танцев, не похожие ни на одни танцевальные движения в мире. Экзамен получился сложный.

Во второй половине дня – экзамен по ритмике. Преподаватель ритмики Додо Чоговадзе, незабываемая принцесса Будур из всеми любимой «Лампы Алладина», считает группу одной из лучших. «Ценю их за трудолюбие и самокритичность», – говорит она. Поэтому к началу экзамена в зал набиваются студенты, которым тоже предстоит сдавать предмет. В программе – тема из «Вестсайдской истории» Бернстайна, «Болеро» Равеля, из современного - диско от Джемироквай. Ариадна Всеволодовна довольна: «Все, что я увидела сегодня, совершенно новое по сравнению с прошлым семестром. У вас уже есть готовые номера для мюзиклов». Ее поддерживает Анатолий Иванович: «Ритмика - очень нужный предмет, и надо сказать, чувствуется подготовка ребят».

К сожалению, мне не удалось увидеть экзамена по пантомиме, которую в первом семестре группе преподавала ассоциированный профессор Кира Мебуке. По всеобщему мнению, экзамен получился интересным, ярким и запоминающимся. К концу дня

но действовать. И на зубок знают главное требование к актеру – требование системы Станиславского и их собственное – органическое рождение образа актера на сцене – искусство переживания. Они отныне связаны одной нитью, именуемой духом сцены.

Уточняют последние штрихи, задают вопросы. На чердаке жарко и всем хочется домой. «Ну, что ж, основное блюдо собрано», – резюмирует Анатолий Иванович и удаляется в профессорскую. До экзамена остаются считанные дни.

ГЛАВНЫЙ ЭКЗАМЕН

Настал день главного экзамена. Главный он не потому, что остальные второстепенные, просто актерское мастерство – предмет основополагающий. Еще с прошлого дня чердак привели в полную боевую готовность, то есть помыли пол, убрались, наконец, в сейфе и освободили стол от «художественного беспорядка». От излишнего рвения уронили ширму на Медейку. На экзамен приходят с большими сумками и рюкзаками – там реквизит. Илья занялся поиском дополнительных ширм. Обе Нины решили переодеться, пока импровизированные кулисы не заняты. К полудню начали собираться гости – родители и педагоги. До начала осталось минут 20. Мы сидим на лестницах. Некоторые курят. Саша вынес гитару, и все запели «Город золотой» Бориса Гребенщикова.

Первый этюд – «Озарение». Художнику, которого играет Саша, звонит заказчик и торопит с работой. Саше же, рядом с которым стоит бутылка вина, красноречиво говорящая о том, как он провел вчерашний вечер, отчаянно нужно вдохновение. И оно приходит в лице босоногой Музы-Нинии. Кто она, может первая любовь, или та, с которой расстался художник, а может, ее уже нет в этом мире? Каждый несет за собой шлейф роли. У некоторых он понятный, у других – слегка загадочный. «Спасибо», – кивает художник и дорисовывает картину. «Поиски стиля» – рассказ о том, как Вася не мог найти свой собственный стиль. Он уже пробовал рисовать как Леонардо, как Ренуар, и Рафаэль. А Нину решил нарисовать в стиле Пикас-

долюбием, откровением, делятся профессионализмом. Я хочу их всех глубоко поблагодарить за это», – обращается к студентам в заключение Ариадна Всеволодовна.

Экзамен продолжают русские потешки. Декорации меняют уже без занавеса, под магнитофонную запись Верки Сердючки, которая утверждает, что «все будет хорошо». Начали. Вместо традиционного текста – стихи не в тему. Своего рода ноу-хау Анатолия Ивановича. «Здесь важен не текст, а интонация, реплики. Иногда текст зачина неожиданно соблазнительно и точно накладывается на сюжет». Студенты играют, танцуют, поют, все время импровизируют. Завершается все затычным поцелуем Ильи и Медейки. Типичный хеппи-энд. Напоследок – этюд «Ювелирная мастерская», который ребята поставили без помощи наставников. По мнению публики, именно он получился самым запоминающимся. Вот и весь главный экзамен. Уложились в два часа и массу переживаний. После экзамена – обсуждение итогов первого учебного года. На втором курсе им уже предстоит работа над отрывками из пьес. Самое ответственное и страшное осталось позади.

Оставшиеся экзамены сдали стремительно и без осложнений. Из истории всемирного театра тему работы каждый выбрал сам. Илья – «Гамлета», Медея – «Федру». Влюбленные Ниния и Саша – наверняка что-нибудь о любви. Сессия в самом разгаре. Чтобы попасть на чердак, нужно пробираться сквозь толпу творческих личностей – актеров, режиссеров, фотографов и киноведов. А чтобы пройти в здание Театрального, нужно пробиваться сквозь куда большую массу абитуриентов и их родителей. Начались приемные экзамены. На каждом этаже по три камеры телевизионщиков. Иногда возникает ощущение, что все здание университета движется вместе с девушками в сценических костюмах и полуодетыми юнцами в широкополых шляпах. Наши ребята смотрят на все происходящее спокойно и по-студенчески мудро. Они это уже преодолели. В их жизни уже состоялся дебют на сцене театра Руставели в гри-

боевской постановке Автандила Варсимашвили «Мастер и Маргарита». Им вместе с другими актерами труппы аплодировал зрительный зал. Эти счастливые минуты ребята запомнят навсегда. В июне «Русский клуб» преподнес им еще один подарок. В Шекветили, на берегу Черного моря, прошел двухнедельный семинар по русской речи. «Вести семинар мы пригласили опытного специалиста, доцента Грузинского государственного университета театра и кино, бывшего актера нашего театра, Элизбара Кухалеишвили. Ведь значение русского актера в русском театре – нести грамотное русское слово. Семинар прошел довольно успешно. И преподаватели, и ребята старались. Конечно, мы понимаем, что этого крайне мало, но лиха беда начала», – отметил Николай Свентицкий.

Познакомившись поближе, нахожу в них много общего – любят модных ныне Сергея Безрукова и Джонни Деппа. Играют в самодельной музыкальной группе. Несуеверны, хоть и актеры. Может, по молодости, а может, по характеру. В их отношении к альма-матер, преподавателям и друг другу чувствуется трепетность, забота, большая любовь и неподдельный интерес. Такие они – будущие грибоедовцы.

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

Нина Калатошвили

Александр Лубинцев

Василий Габашивили

со. Но Вася и не догадывался, что из-за своей любви к экспериментам потеряет любимую девушку. «Пикассо-Шмикассо я не знаю, но ко мне чтобы близко больше не подходил!» – негодует девушка и удаляется за кулисы. Больше всего растрогал этюд «Подземка» – о молодом человеке – «афганце», вынужденном просить милостыню, которого сыграл Илья. Этюд заслужил первые аплодисменты. В перерывах между сменой декораций звучит нежная музыка, и за молочного-белым занавесом видны очертанья чьих-то рук.

«Я в восторге от всех педагогов. Они делятся с нами неоценимым богатством: своим талантом, тру-

Би-Би-Си:

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Ведущий Михаил Смотряев, продюсер Виктория Мелехина, Сара Гибсон

Программа Русской службы Би-Би-Си «Вам слово» в рамках нового проекта организовала прямой эфир из Риги, Тбилиси, Харькова. В течение трех дней журналисты встречались с представителями русскоязычного населения Грузии. В Тбилиси также побывала глава Русской службы Сара Гибсон.

О том как работается Русской службе Би-Би-Си - одному из самых авторитетных СМИ постсоветского пространства – наша беседа с госпожой Сарой Гибсон.

- Мы с командой нашей новой интерактивной радиопрограммы «Вам слово» приехали с целью проведения прямого эфира с площади Революции. Эта часть большого онлайн-проекта, в котором обсуждается положение русскоязычного населения в Прибалтике, Азербайджане, Грузии, Украине, Казахстане. В Киеве уже идет радиопрограмма, но она отличается от этой передачи, поскольку мы решили провести прямой эфир, посвященный отношениям Латвии, Грузии и Украины с Евросоюзом. Латвия уже является членом ЕС, но мы знаем, что определенные стремления войти в ЕС выражают Грузия и Украина.

- Как прошла первая программа в Риге?

- В Риге было трудно найти человека, который

сказал бы, что вступление Латвии в ЕС принесло им благо, поскольку возникло очень много социальных и экономических проблем. Хотя не совсем ясно, связаны ли они с членством в ЕС. Но люди замечают эти проблемы и они отражаются на их жизни. Сейчас мы хотим выслушать мнение граждан Грузии, которые хотели бы приблизиться к ЕС и НАТО, а также узнать, есть ли у вас люди, которые желают быть ближе к России.

- Сара, недавно Вы оказались в центре внимания, после письма советских диссидентов в газете «Дейли телеграф»...

- Речь шла о событиях, связанных с Литвиненко. Вначале было опубликовано письмо, а потом в адрес Би-Би-Си пришла жалоба, которую мы тщательно исследовали. Насколько я помню, главный смысл письма был в том, что наша редакционная политика отличалась от вещания Би-Би-Си на английском языке. Разница была именно в том, что наши слушатели осведомлены о ситуации намного лучше английских. Мы передали последнее интервью с Литвиненко, старались всесторонне освещать события, с участием всех главных лиц. Выяснилось, что мы все правильно сделали с точки зрения Би-Би-Си. Мы оперативно реагировали на все события, при этом был соблюден баланс, и не хочу обижать своих английских коллег, но Русская служба освещала все события намного глубже.

- Каковы основные правила вашей редакционной политики?

- Она очень простая. Для всех наших журналистов, независимо от того, работают ли они в Русской службе или на Би-Би-Си, вещающем на английском, действуют одни и те же правила. Они записаны в книге «Редакционные правила». Это живой документ, который состоит из многочисленных примеров, с которыми журналисты сталкиваются ежедневно. Это касается и того, как обращаться к детям при освещении истории, связанной с ними. Всегда активно обсуждается вопрос, когда можно использовать слово «террорист». Естественно, очень важна тема баланса. Наши основные принципы – справедливость, правда, профессионализм.

- Насколько трудно, на ваш взгляд, соблюдать одно из главных правил журналистики – отделять факт

от комментария?

- Конечно, сложно, потому что любой человек, независимо от того работает ли он журналистом или нет, имеет свою позицию, личное мнение. Профессионализм журналиста заключается в том, умеет ли отделять факт от комментария.

- Когда Вы пришли в журналистику?

- В 1989 году, после окончания университета. Я работала в другой должности в Русской службе Би-Би-Си в Англии, затем в Брюсселе, Австралии.

- Давно ли вернулись в главный офис Русской службы?

- Три года назад.

- Вы говорили, что в Москве журналисту интересно работать, потому что там пишется история. В последнее время она также представляет интерес?

- Конечно. Сейчас особенно интересно знать, как протекают британо-российские отношения, а также предвыборная ситуация.

- Как воспринимают в Англии происходящие в Грузии события?

- Во-первых, события эти освещаются не так уж часто. Все-таки, большинство англичан совсем не знакомы с Грузией. Конечно, во время революции, был большой интерес, и прибыло много представителей английских СМИ. Я бы сказала, что сегодня больший интерес наблюдается в контексте отношений России с Грузией.

- Какое место занимают передачи Севы Новгородцева, ставшим популярным несколько десятилетий назад?

- Его передача «БиБиСева» идет у нас ежедневно с понедельника до пятницы. Это новая часовая программа, которая выходит в прайм-тайм. Новгородцев все еще очень популярный ведущий и он для нас также важен как личность. Вы, наверное, слышали, что его программа «Севаоборот», которая очень долго существовала, уже не выходит. Недавно мы приняли решение закрыть ее. Знаю, что это вызвало недовольство некоторых его поклонников. Но мы объясняем это большой конкуренцией среди русских СМИ. У нас определенный бюджет и мы должны создавать программы, которые привлекут возможно большее число слушателей. Так было принято решение сконцентрировать наши усилия именно на «БиБиСева».

- Журналистов Би-Би-Си, как правило, выделяет, непредвзятость, объективность при освещении событий в самых горячих точках мира. Сталкиваются ли они с цензурой, насколько легко им работается?

- В Би-Би-Си, естественно, цензуры нет. Насколько легко работать, это зависит от того, в какой стране находится журналист. Вы знаете, что в марте в секторе Газа был похищен наш журналист Алан Джонстон. У Би-Би-Си большая корреспондентская сеть и есть в мире места, где небезопасно. В некоторых странах, например, в Израиле, существуют определенные правила. Материалы журналистов, скажем, на темы войны, просматриваются цензурой. Но если журналист не может работать в условиях государственной цензуры, он с нами обговаривает это заранее.

- Вы общались с журналистами на постсоветском пространстве. Чем они отличаются от европейских коллег?

- Что касается российских журналистов, то им

пришлось быстро научиться работать по-новому. Процесс этот идет не так давно. Я бы сказала, что в России улучшилось качество журналистики. Как я уже отметила, у нас очень много конкурентов - оперативно, профессионально работающих. К сожалению, я не знаю хорошо СМИ стран Балтии и Грузии.

- Что бы Вы посоветовали грузинским журналистам?

- Это очень хорошая профессия. Мне лично она приносит большое удовлетворение. Если давать советы руководителям организаций, то я бы сказала, что редакциям необходимо помогать журналистам в совершенствовании их профессиональных навыков.

- А согласились бы Вы провести семинары для наших журналистов?

- Конечно, с удовольствием снова приеду. У нас есть контакты в Грузии – вещаем на двух радиостанциях. На английском выходим на «Зеленой волне», а на русском – «Радио-2».

- Ваши занятия вне журналистики?

- У меня двое детей. Мальчику – семь лет, а девочке – 10. Так что я довольно занятой человек. Они понимают, что у меня интересная работа, но им хотелось бы, чтобы я чаще была дома.

- Вы посетили Тбилиси еще студенткой, не так ли?

- В 1987 году, когда я училась на факультете русского языка в московском Институте имени Пушкина, мы приехали с группой студентов. Нынешний мой приезд – второй. Мне кажется, что с годами здесь многое изменилось. Город меняет свой облик.

После завершения программы «Вам слово» мы побеседовали с одним из ее участников, директором Центра европейских исследований Грузинского фонда стратегических и международных исследований Кахой Гоголашвили:

«Передача получилась очень интересной. Просто удивительно, как в 27 минут можно было уместить столько интервью и информации. Было много анализа. Все зависело от хорошей организации работы. Ведущий очень профессионально вел программу. В общем, высшая школа пилотажа. В ходе опроса большинство граждан высказали свое позитивное отношение к вопросу сближения Грузии с европейским сообществом. Были и другие мнения. Одни, к примеру, больше критиковали, и это хорошо, т.к. в обществе должны быть разные мнения. Словом, разговор получился откровенным».

Что нужно, чтобы пройти трудный путь к Европейскому Союзу? Во-первых, желание, настрой идти вперед, продолжать реформы. Много работать, стремиться создать новое общество, не впадать в депрессию. Только так мы сможем достичь желаемой цели.

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

Фото автора

Н.Словинская. Звездная ночь в Манглиси

МЕЧТЫ И СВЕРШЕНИЯ

«Под небом голубым есть город золотой...» Впервые эта песня прозвучала для меня в кинофильме Сергея Соловьева «Асса». Позже я услышала ее в исполнении молодой художницы Наташи Словинской – она аккомпанировала на гитаре пятилетнему сыну Егорушке, унаследовавшему от матери музыкальный слух и тициановский цвет волос.

Эта мудрая песня – лейтмотив жизни Наташи, будь то ее дипломная работа в Тбилисской Академии художеств, триптих «Кони привередливые» по мотивам трех песен В. Высоцкого («Дорога», «Старый дом», «Купола», эдаких «сюрреалистических сказок», как назвала их Марина Влади). Или ее пасхальные выставки на библейские сюжеты, венец которых ее незабываемый «Небесный Иерусалим».

Каждая картина Наташи интересна по-своему, но когда я бываю у них, то всегда сажусь напротив картины «Моление о чаше», с коленопреклоненным Иисусом...

Приведу отрывки из рецензий московских газет о ее двух выставках:

«Первая персональная выставка грузинской художницы Натальи Словинской «Небесный город» (май, 2005 г.) вызвала неподдельный интерес зрителей»;

«Вторая выставка «Игра созвездий» (галерея АСТИ) включает 30 живописных и графических работ, выполненных в 2006 году – факт, свидетельствующий и о творческом потенциале художниц, и о заинтересованности в зрителе»;

«На выставке «Игра созвездий» показаны работы в разных жанрах: роскошные восточные и пасхальные натюрморты, выразительные портреты детей, пласти-

чески ясные и проникновенные картины на библейские и евангельские темы, чудные пастели – просветленные и умиротворенные виды селения Манглиси. Работы удивительным образом соединяются в некую красочную феерическую симфонию. Хорошо выявлены пристрастия, увлечения художницы, своеобразная манера письма»;

«Выставка Наталии Словинской – мостик между Тбилиси и Москвой, яркий пример универсальности языка искусства, ибо художники говорят на языке истинных глубоких чувств и возвышенных эмоций, а этот язык не знает границ и всегда обращен к сердцам благодарных зрителей».

Наташа – дочь моей школьной подруги Инны Гаспаровой. В детстве я любила бывать у них в доме, где стены были увешаны картинами ее мамы, художницы Ирины Николаевны Басилашвили, женщины обаятельной и необыкновенной скромной. Пейзажи, натюрморты, портреты... Они создавали добрую ауру – в доме дышалось удивительно легко и благостно. Здесь я познакомилась с художником Александром Бажбеук-Меликовым, с которым хозяйку дома связывала давняя дружба.

Ирины Басилашвили не стало в 1990 году. В память об этой удивительной женщине ее супруг, М.С. Гаспаров подарил нам по картине. Мне достался боржомский пейзаж, может потому, что я родилась в Боржоми.

В 60-е годы Ирина Николаевна принимала участие в пленэрах, устраиваемых Еленой Ахвледiani. Как и многие другие художники ее поколения, очень требовательные к себе, она не устраивала персональных выставок.

Картины И. Басилашвили, любезно предоставленные Государственным музеем искусств Грузии и дочерью художницы из семейной коллекции, выполнены с высоким мастерством.

Только в 2002 году в галерее «Сололаки» («Кавказский дом») состоялась первая персональная выставка Ирины Николаевны Басилашвили, приуроченная к 80-летию Тбилисской Академии художеств, которую художница окончила в 1932 году. Ее педагогом был Евгений Евгеньевич Лансере.

Жаль, что дочь Ирины Николаевны не пошла по стопам матери, хотя хорошо рисовала в детстве. Художницей стала ее дочь Наташа.

Супруг Ирины Николаевны, Мак Сергеевич Гаспаров был полной ее противоположностью. Человек неиссякаемой энергии и нескончаемых интересных идей.

Недавно я узнала, что Мак Сергеевич стоял у истоков грузинского футбола...

Родился Мак Сергеевич в 1906 году в Ахалцихе, в семье купца. Вскоре семья переехала в Тифлис, где владела бакалейной лавкой на Солдатском базаре.

Гимназисты первой мужской гимназии на Головинском проспекте, где учился Мак, познавали азы игры в «ножной мяч» на соседнем плацу.

В 1923 году в Тифлисе было несколько футбольных команд: молодежная «Амирани», «Арсенал», «Армклуб», «Дуруджи» и «Триумф». Из игроков «Амирани» и «Дуруджи» и сформировалось в 1924 году тби-

лисское «Динамо».

Костяк команды составляли молодые футболисты А. Жордания, (капитан), М. Бланкман (играющий тренер), Д. Цома, А. Почхуа, М. Гаспаров, Г. Вачнадзе, Н. Аникин, Н. Федоров, Г. Пачулия и другие.

В 1926 году М. Гаспаров был направлен на учебу в политехнический институт. На его счету крупные строительные объекты, реконструированные здания и сооружения, многие заводы Грузии.

Мак Сергеевич ушел из жизни в 1998 году, еще полный идей и надежд.

С началом Великой Отечественной войны старший брат Ирины Николаевны – Валерьян добровольцем пошел на фронт, а его жена с сыном Олегом были эвакуированы из Москвы в Тбилиси. В 2004 году народный артист СССР Олег Валерьянович Басилашвили приехал в Тбилиси, где снимали отдельные эпизоды фильма, приуроченного к его семидесятилетию юбилею.

Помню, как в 70-х годах в Тбилиси приехал на гастроли Ленинградский БДТ. Мы ходили на спектакли, которые шли в филармонии. Тогда я впервые встретилась с Олегом Басилашвили на семейном обеде у Гаспаровых. В те годы я работала в МИОНе и нам вы-

Семья Словинских

Н.Словинская. Натюрморт

писывали т.н. «увольнительные» для местных командировок, где надо было отметить прибытие. Олег Валерианович смутился, когда у него попросили автограф на увольнительной – для него это было что-то новое, но в просьбе не отказал.

Раньше я мало задумывалась над тем, почему потеряв старших, мы все чаще заглядываем в семейный альбом, начинаем интересоваться своей родословной. Не слишком ли поздно? Разве не жаль, что история вашей семьи забудется. Ведь история каждой семьи неповторима и интересна по-своему. Так что, спешите расспрашивать и записывать, пока живы ваши бабушки и дедушки...

Наташины родители Инна Гаспарова и Юрий Словинский окончили ТБИИЖТ. Юрий – потомственный мостовик,

большой патриот тбилисских мостов, и надеется, что следующим проектом после реставрации городских дорог будет обследование и восстановление наших мостов.

Вспоминая предков Наташи с отцовской стороны, мне бы хотелось начать с ее прапрадеда Кирилла Яновского, педагога, члена Государственного Совета, попечителя Кавказского учебного округа, почетного члена Императорских Академии наук, Академии художеств, Русского географического общества, автора капитального труда «Мысли о воспитании и обучении».

Он происходил из небогатой малороссийской дворянской семьи. В 1878 году приглашен наместником на Кавказе великим князем Михаилом Николаевичем на пост попечителя Кавказского учебного округа. За 22 года управления учебным округом К.П. Яновским число средних и низших учебных заведений возросло; благодаря организации в учительских семинариях и сельских школах занятий по садоводству, огородничеству, пчеловодству и виноградарству профессиональное и особенно сельскохозяйственное образование в крае значительно продвинулось вперед. Под его руководством вышли в свет 20 томов научных исследований – естественно-научных, географических, этнографических, лингвистических и других под общим названием «Сборник материалов для описания

местностей и племен Кавказа».

Скончался Кирилл Петрович Яновский на 81-м году жизни, в Сухуми.

Дочь Кирилла Петровича – Мария Яновская вышла замуж за окружного инспектора Кавказского учебного округа Александра Словинского. В течение 15 лет он занимался работой над поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». К сожалению, война 1941-1945 гг. помешала защите его

диссертации на тему «Художественное построение поэмы Шота Руставели».

У супругов было четыре сына – Дмитрий, Всеволод, Николай, Владимир – все инженеры.

Владимир Александрович, дедушка Наташи, после окончания института работал по проектированию искусственных сооружений Натахтарского водопровода, совмещая работу с преподавательской деятельностью в институте. В годы Великой Отечественной войны занимался восстановлением разрушенных мостов, руководил группой по созданию заграждений на ЗКВ ж.д. За оборонные работы награжден орденами и медалями. В послевоенные годы был начальником Дорпроекта ЗКВ ж.д., и отдела НИР ТБИИЖТа, защитил докторскую диссертацию, утвержден профессором.

В 1977-1985 гг. работал завкафедрой «Мосты и тоннели». Автор проекта железно- и автомобильных мостов через Куру – в Гори, в Алаверди; Гализгу – в Ткварчели и др. Им разработаны и построены берегоукрепительные сооружения на Куру, Ингури, Ру-

«Динамо» Тбилиси. 1924

«Самеули»

хисцкали, Гализге, Окуми. А экспериментально-теоретические разработки в области сборных предварительно-напряженных конструкций позволили широко внедрить их в практику мостостроения в масштабе страны. В его активе более 80 научных работ в области мостов и регуляционных сооружений.

Помимо потомственной профессии строителей, в роду Словинских не обошлось без художников. Сын Николая Словинского – Александр – народный художник Грузии, профессор Тбилисской Академии художеств.

В начале 60-х годов внимание общественности привлекли молодые архитекторы Олег Кочакидзе, Александр Словинский и Юрий Чикваидзе, которые впоследствии объединились под псевдонимом «Самеули» (Трое). По их проектам было построено несколько зданий; свой вклад внесли в оформление интерьеров, но их творчество, в основном, посвящено театру, в развитие современного грузинского театрально-декорационного искусства.

С Юрой Чикваидзе я познакомилась в школьные годы. Последние годы он жил в Лос-Анджелесе, где и скончался. Он мечтал о возвращении в Тбилиси, к сожалению, его мечте не удалось сбыться, как и другим – вместе с Александром Словинским и Олегом Кочакидзе думал принять участие в проекте Зураба Церетели «Московский Диснейленд».

Наташа Словинская продолжает работать, неся людям радость и добро своими картинами, стихами и песнями. Ее сыну Георгию уже двенадцать, а дочери Анастасии – 18 лет, она студентка факультета журналистики Тбилисского университета. Оба играют на скрипке – это у них от матери. Георгий увлекается футболом, это уже от его прадеда. Так что потомственные профессии семьи не забываются.

ЛАРИСА НИКОЛАЙШВИЛИ

И.Басилашвили. Автопортрет

«Гомер жил в нашей квартире»

Интерес к встрече подогревался рассказом коллеги о романтической любви. Чемпион Берлинской олимпиады-36 влюбился в молоденькую теннисистку из Грузии. Отца, понятно, не устраивала разлука с дочерью, ее переезд в фашистскую Германию, и он спешно выдал ее замуж за тбилисца, чемпиона по боксу, который, ясное дело, тоже вздыхал по юной красавице. Воображение рисовало мне олимпийский стадион и возможного грузинского зятя, четырехкратный золотой триумф американца Джесси Оуэнса, Гитлера, демонстративно покидающего правительственную ложу.

- Ничего этого не было, – разочаровала меня Татьяна Михайловна, – жениха из Германии. Но расскажу по порядку, если вас это заинтересовало. И о письме из Парижа.

Прадед ее, Афанасий Крупенников, служил на Кавказе, в Гори. В госпитале. Настолько усердно, что его, крепостного, со временем произвели в старшего унтер-офицера. Дед Иван Афанасьевич закончил с золотой медалью первую гимназию в Тифлисе, получив право преподавать математику. В Телави он познакомился с гимназисткой княжной Мартой Вахваховой, которая, вопреки воле родителей, вышла замуж за скромного учителя, будущего инспектора заведения Святой Нины – Института благородных девиц, – и действительного статского советника.

С Кахетией связана и служба отца Тани, Михаила Ивановича, агронома-технолога по виноделию. Жили по месту его работы. Напареули, Цинандали, Манави – от одного названия этих сел опьянеешь. Кстати, отец принял участие в выставке «Российская Ривьера» в 1913 году в Санкт-Петербурге, на которой победило его кахетинское вино, а сам он был премирован именными золотыми часами, которые спустя годы исчезли в скупке Торгсина.

Позже семья переехала в Тифлис, в дом на Плехановской, где были первые и единственные асфальтовые корты. В их коммунальной квартире две комнаты занимали Крупенниковы, а одну – Яни Гомер, родоначальник грузинской теннисной школы, бессменный чемпион Тифлиса и Грузии 20-х годов. Стоит ли удивляться, что близкое соседство с теннисной знаменитостью сказалось на спортивных вкусах молодых Крупенниковых? Брат Тани – Борис Крупенников был мастером спорта и входил в десятку сильнейших теннисистов страны. И друзья были отменными спортсменами – ученики маэстро Яни Гомера – Арчил Мдивани, Эдуард и Роман Негребецкие, Володя и Борис Серебренниковы...

Жить в одном дворе с кортами и не увлекаться

Татьяна Бакрадзе-Крупенникова

теннисом? Им поголовно все заболели. Первую всамделишную ракетку подарил Тане маэстро Яни, заметив рвение 12-летней девочки (к занятиям в группе допускались с 16-ти лет). Но Таня ждать не могла. В семнадцать она имела первый разряд и входила в кружок Госкинпрома – так тогда назывались команды. И сегодня рассказывает мне о своей игре с Натой Вачнадзе. Кинозвезда смотрелась на спортивной площадке эффектно. И Таня не подкачала по части внешности. Она уже выезжала в составе грузинской команды на всесоюзные соревнования.

С этими поездками и связана романтическая история с письмом. Ситуация действительно интригующая. В тбилисскую женскую теннисную школу «Спартака», а Таня выступала за это общество и только потом перешла в «Динамо», пришло письмо из Парижа. Некий Ивар Бузин увидел в газете «Красный спорт» снимок Тани. Впрочем судите сами. Вот оно это письмо, которое я держал в руках: «Уважаемый товарищ Таня. Вы, конечно, очень удивитесь, получив письмо от совершенно незнакомого человека. Я надеюсь, что на меня Вы не рассердитесь. Дело в том, что я в газете случайно увидел Ваш фотоснимок и мне страшно захотелось с Вами познакомиться, хотя бы на расстоянии, и узнать все о Вас – сколько Вам лет? Какого

Татьяна Бакрадзе-Крупеникова вместе с другими учениками Яни Гомера (крайний справа)

Вы роста? Какого цвета Ваши глаза? Волосы? Как Вы живете и работаете?

Надеюсь, что простите мне мою смелость. Если у Вас есть фотоснимок более четкий, чем этот в газете – я был бы счастлив получить его. В обмен, конечно, вышлю свой. Сейчас я после экзаменов отдыхаю и увлекаюсь теннисом... Чтобы Вам не тратиться на марки посылаю два доллара. Надеюсь, что напишите хоть несколько слов. Не так ли?..»

И сейчас, по прошествии стольких лет, нетрудно установить диагноз Ивара – налицо все признаки влюбленности. Письмо позабавило Таниных друзей. Они нарисовали ее портрет со своими комментариями – ответ парижскому корреспонденту. А ей было не до смеха. На календаре – конец июля 37-го.

Таня, встревоженная не на шутку, идет в НКВД с парой долларов и письмом. Молодые незнакомые чекисты расспрашивают голубоглазую девушку. Нет-нет, она совершенно не желает вести какую-либо переписку и заводить знакомство. Ей возвращают на память письмо и доллары, и она возвращается домой на Плехановскую.

О том, что эта история могла тогда иметь далеко не столь счастливый конец, говорит судьба Яни Гомера, который в июне тридцать седьмого с сильнейшими грузинскими теннисистами выезжал на московские сборы с участием лучшего французского теннисиста Анри Коше, серебряного призера Олимпиады 1926 г. в одиночном разряде и мужском парном. Победитель Уимблдонского турнира 1926 – 1929 гг., участник знаменитой сборной Франции, победительницы Кубка Дэвиса в 1927-1932 гг. Общение с выдающимся

Яни Гомер

спортсменом, его лекции и показательные игры были подарком свыше для советских мастеров. Яни в совершенстве владел французским и больше других усвоил неоценимые знания великого Коше, который подарил ему свою фотографию с автографом. Этого оказалось достаточно для компетентных, как тогда говорили, органов.

– В конце 37-го Гомера арестовали, – рассказывает Татьяна Михайловна, – арестовали вместе с братьями Жоржем и Марселем и женой Асмик Арзумановой – она была теннисисткой и выступала вместе с Яни. Его осудили по ложному обвинению в шпионской деятельности в пользу иностранного государства. Решением «тройки» вынесли приговор: десять лет лагерей и еще пять лет ссылки. По возвращении домой и реабилитации теннисный педагог Тани Крупенниковой уехал к своей сестре Ивонне в США, но долго там не выдержал и вернулся в Грузию.

– Он жил в нашей квартире, вон за той стенкой, – говорит Татьяна Михайловна, – вплоть до 1981 года, когда его не стало. Вышел из своей комнаты и упал в коридоре, умер на руках у моей матери.

И мы еще долго говорим о маэстро, на долю которого выпало счастье общения с любимыми учениками, годы безработицы и долгое забвение его неоценимых заслуг в истории отечественного тенниса. Только через много лет пришли к опальному наставнику опоздавшие звания – заслуженного тренера Грузии, заслуженного деятеля физической культуры и спорта, судьи всесоюзной категории...

В том же тридцать седьмом в жизни Тани произошли значительные события: она поступила на филфак Тбилисского государственного университета и скоро вышла замуж за Сашу Бакрадзе, мастера спорта по боксу. «Он был просто знакомым моего брата Бориса, – рассказывает хозяйка дома. – По мере моего взросления это знакомство перешло в дружбу – Саша зачастил к нам. Когда мне исполнилось 18 лет, мы поженились. Саша был единственным ребенком в семье и родился 18 сентября 1913 года в Киеве. Отец Михаил Иванович (замечаете совпадение?), бухгалтер по образованию, с началом Первой мировой войны как военнообязанный переехал в Грузию, а мать с ребенком осталась в Украине. В 1921 году семья воссоединилась, а для этого матери с ребенком пришлось пройти испытания новой волны эмиграции в Новороссийске, а потом добираться пароходом до Батуми.

Саша окончил гидромелиоративный техникум, а потом поступил в индустриальный институт, на химический факультет и учился с моим братом. Но мама болела, и он ушел из института. Начал работать, помогая семье...

После рождения первенца Миши Татьяна временно отошла от спорта, посвятила себя семье и учебе. Война внесла свои коррективы в жизнь. Александр Михайлович в числе тренеров-пятитысячников готовил бойцов-рукопашников – обучал боксу, самбо и стрельбе. В 43-м у супругов родился Алеша.

В боксерские залы Саша Бакрадзе вернулся в послевоенные годы. Многократный чемпион Грузии, призер всесоюзных соревнований, заслуженный тре-

нер СССР, готовил юношеские команды республики, вписал свое имя в историю отечественного спорта. И супруга его десять лет входила в грузинскую сборную. Матерью двоих детей (оба впоследствии стали мастерами в велоспорте и теннисе. Михаил Александрович был кандидатом биологических наук, доцентом кафедры ТГУ; младший сын, Алексей Александрович – выпускник западноевропейского факультета, в прошлом партийный работник, дипломат, замминистра иностранных дел, консул в США, Египте) – вернулась на корт. И только в начале 50-х зачехлила ракетку. Узнав об этом, Ира Ермолова-Рязанова огорчилась: «Как же мы без вас, тетя Таня?»

А она ушла в тбилисскую 32-ю среднюю школу и проработала учителем русского языка и литературы 25 лет.

Смотрю на звезду грузинского тенниса и вижу ее давнюю компанию с Плехановской. Танина мама, Людмила Иосифовна Гайская, чешка по происхождению, в те годы работала аккомпаниаторшей в Гофилекте. Таню с подругой пропускали знакомые билетерши, а мальчики перелезали через забор. Они сто-

Татьяна и Александр Бакрадзе

яли на садовой скамейке и слушали джаз-оркестры Эдди Рознера и Леонида Утесова. А проголодавшись, собирали в складчину мелочь, покупали буханку хлеба.

– У нас с Сашей денег было больше, – говорит моя собеседница, – мы были спортсменами-достиженцами.

Слово-то какое забытое.

А я вспоминаю 50-е годы, боксерский зал под Западной трибуной динамовского стадиона. В ходе тренировки один из спарринг-партнеров, обидевшись за пропущенные удары, решил после занятий объяснить по-уличному. В этот момент из зала вышел дядя Саша, мигом оценил обстановку и сказал «обиженному»: «Больше здесь не смей появляться. Боксер из тебя не получится».

И человек хороший, наверное, не получился. У Саши Бакрадзе глаз на таланты был безошибочный.

АРСЕН ЕРЕМЯН

Гладиатор принимает решение

Александр Сааков

Перед работами Александра Саакова хочется снять шляпу, даже когда ее у вас нет. И обречь их, повесить на стенку в доме, каждый раз любясь остановленным мгновением, воскликнуть вслед за великим пианистом: «Совершенно замечательно. Bravo!» Все покоряет в этом отзыве: и личная оценка портретируемого, и чрезвычайно высокая аттестация автора знаменитой «Паузы». Я люблю этот шедевр сааковского портретного цикла. Рихтер запечатлен не на концерте, затянутый в строгий фрак, а в редкую минуту отдыха (Сааков сказал мне: «Есть ли другой фотограф, снявший Рихтера в домашней обстановке, в халате?»). И хотя стоит он спиной к роялю, но опирается сильными пальцами о клавиатуру, рассеянно-отрешенно слушая умолкший аккорд, весь в творческом порыве. Как выразительны в египетском повороте головы огромный сократовский лоб, упрямо вздернутый подбородок, стиснутые губы, и как ощущается в кадре присутствие самого Саакова.

Как многие мастера художественной фотографии, он пришел в искусство из журналистики. Перешагнув

порог редакции молодежной газеты, скоро зарекомендовал себя натурой творческой, с собственным видением мира, находя изюминки даже на съемках в производственной сфере, у станков, за которыми трудились такие же, как он, неизвестные работники. Уже тогда его творчество не укладывалось в заданные стереотипы, в прокрустово ложе соцреализма. Приехавший в Тбилиси один из секретарей Союза журналистов СССР, глядя на созданных в кабинет фоторепортеров, спросил недобро: «Кто из вас Сааков?» – «Я буду», – ответил он, удивленный своей неожиданной популярностью. «За ваши «Лица» вы заслуживаете обращения не товарищ, а гражданин Сааков». К счастью, на дворе был не тридцать седьмой год. А фотографии «Лица, или Ампутированные души», заслужившей немилость журналистского начальства, выпала счастливая судьба. Лица этих пацанов, увиденных на спортивном празднике, коротко остриженных, отученных думать и готовых выполнять любой приказ, продолжают вызывать шок. Снимок удостоен 14 премий различных фотовыставок и вошел в число ста лучших на вернисаже «Европа-70» в Бергамо, оставаясь в центре внимания и в 2000 году в Москве, в выставочном зале журнала «Наше наследие» Российского фонда культуры.

Сотни снимков, самых-самых, за три десятка с лишним лет этого поэта с камерой. Из Москвы выставка отправилась далее – в Литву и Германию. 120 призов – на счету мастера, а он вспоминал пору ученичества, своих добрых наставников – выдающихся грузинских художников Елену Ахвледиани и Ладю Гудиашвили. Первая передала ему любовь к старому Тбилиси, второй – раскрыл секреты композиции и цветового баланса. Судите сами, каким способным учеником он оказался, «великих людей, которым всем обязан».

«Черный креп и черная кофта, – удивленно переспросила, – хороните меня собрался?» А потом, достав требуемое, очаровательно ворчала: «Не фотомодель я. Не понравится мне – отвечать будешь». На следующий день, по-

ложив красивую руку на стопку отпечатанных портретов, сказала удовлетворенно: «А ты, оказывается, художник!» Задумалась, а потом решительно подошла к телефону: «Это я, Эличка. Слушай, Жора, у тебя в редакции находка. Держи его крепко».

Так, три с половиной десятка лет назад, с заказанного редакцией газеты «Молодежь Грузии» портрета Елены Ахвледиани к ее персональной выставке, началось знакомство народного художника Грузии и Алика Саакова. Поистине судьбоносное. Наутро следующего дня, после обнародования портрета, в редакцию позвонила Нина Иосифовна, жена Ладю Гудиашвили: «Попросите Саакова зайти к нам».

К слову сказать, ахвледиановские и гудиашвилевские портреты, выполненные с особой любовью и трепетом, были представлены на персональной выставке Александра Саакова в Музее истории Тбилиси «Карвасла» в числе 125 экспонируемых работ, и позже – в Арт-галерее на улице Пурцеладзе. Хотя трудно выделить что-либо из сааковской фотолетописи, этого удивительного эксперимента. «Я всю жизнь экспе-

риментирую», – признавался он. Этот дар экспериментатора-творца был подмечен Ладом Гудиашвили: «Наше совместное сотрудничество в деле развития художественной фотографии благодаря эксперименту достигло интересной фазы. В вашем фототворчестве, в черно-белых и цветных фото вижу огромное мастерство, высокий профессионализм и наличие высокохудожественного вкуса».

Этот безупречный вкус чувствуешь в известном портрете Гудиашвили, в котором с математической точностью, до миллиметра, прочувствована зыбкая граница от дуриго вкуса до произведения искусства. А вот оценка самого Ладо: «Высоко одаренный редким художественным вкусом, блестящий знаток и чародей художественной фотографии, наш любимый друг, чудный и благородный человек, Алик Сааков...»

Не менее впечатляет мнение Арама Хачатуряна: «Ваши работы – подлинные произведения искусства. Удивляют масштабность и амплитуда вашего огромного художественного дарования». «Это большая редкость, – отметила одна из основоположников фоторепортажа Шарлотта Брукс, представлявшая в столице Грузии выставку «200 лет США», – чтобы один человек мог так успешно работать в столь разнообразных жанрах. Фотографии А. Саакова живы и непосредственны, великолепны по цветовому и композиционному решению, подкупают своей искренностью».

И это только малая толика признательности и любви к человеку, сказавшему свое слово в искусстве.

«Считай, что я отчитываюсь за тысячелетие», – сказал мне Сааков. А помогал ему Тбилиси, где так многое несет отпечаток столетий. Ученик Ахвледiani сохранил и показал околдовывающие черты удивительно фотогеничного Тбилиси, море обаяния и магию его домов, улочек, неповторимых типов старых тифлисцев – шарманщиков, букинистов, гадалок.

Графика в стиле ретро. Любимый цикл, названный им «Мотивами старого Тбилиси», без которого невозможно представить фотомир Саакова. Как и

цикл «Мои современники» – ставшие классикой глубоко психологические портреты Святослава Рихтера, Ильи Глазунова, Нино Рамишвили, Андрея Баланчивадзе, Элисо Вирсаладзе, Нино Ананишвили... У этих работ можно простаивать часами, потрясенный открытием художника, его излюбленным приемом смотреть в глаза портретируемого,

Старый шарманщик

Святослав Рихтер

Елена Ахвледiani

Встреча

раскрыть что-то сокровенное, ему одному присущее, спрятанное за семью печатями души, не очень интересуясь, какой оптикой, каким современным техническим приемом светотрафики сняты эти люди – символы XX века, друзья Тбилиси и Александра Саакова. К этому же ряду относится знаменитый сааковский портрет Владимира Высоцкого – многократно увеличенный, он был выставлен в Театре на Таганке в траурные дни прощания с поэтом.

К какой бы теме ни обращался фотохудожник,

у него на памяти было любимое изречение Сенеки: «Гладиатор принимает решение на арене». И для самого Александра – Алика, как знали его повсюду, каждый выход на натуру старого Тбилиси, каждая творческая командировка – был вечный бой, где на принятие решения порой отводится мгновение, прежде чем он нажмет на кнопку затвора узкоплечного фотоаппарата. Иные кадры он терпеливо караулил часами, потому что так впечатляют, как, к примеру, этот

Грация (Ирина Дерюгина)

трогательный старый дворник, засматрившийся на обнаженную красавицу, да так, что вот-вот свалится с его седой головы широкая кепка-аэродром. «Ты разрушил согласие в моем доме, – сокрушенно скажет он фотожурналисту, – после твоего снимка жена поломала метлу на моей спине». До полного крушения семейного очага не дошло. И снимок пользуется большим успехом. Не менее выразительный сюжет «Перекур», с тремя тбилисскими банщиками. Завернувшись в простыни, как римские патриции, жадно затягиваются сигаретой, каждый наедине со своими думами. Вот отдохнут минуту-другую и пойдут работать, гулко

стуча деревянными сандалиями по кафельным плиткам. Кстати, эта окаменевшая музыка легко узнаваема в работах Александра. Мало кому известно, что он музыкант-ударник из первого состава «Орэра». А как же музыка, спросите? У знакомого литератора и журналиста я прочитал, как возвращался Алик поздно вечером домой, увидел двух незнакомых парней, обижавших девушку, его соседку. Она оглянулась, взглядом моля о помощи. Он бросился выручать. И вот – сломанная кисть. Прощайте, мечты о музыке. Красиво. И очень по-тбилиски. «Но ничего этого не было», – говорил с улыбкой Алик, и в жизни, и в творчестве больше всего ценя правду. А правда – травма в результате автоаварии. «Меня всегда тянуло туда, где звучали современные ритмы. Мне нравятся люди, вбирающие в себя динамизм современной жизни, неотделимые от нее своим стремлением выразить движение. Я не знал, как смогу делать это, и после долгих раздумий выбрал фотокамеру».

Стремление запечатлеть динамизм жизни привело его в спорт, в экстремальный спорт, ходить далеко не пришлось – динамовский стадион был рядом с домом. Он постигал секреты плавания брассом, попутно находя привлекательность каждого вида спорта: остроумие футбола, молниеносность бас-

кетбола, прозрачность гимнастики, горячую борьбу, невидимый высочайший вольтаж шахматной партии, мужественность хоккея...

Когда руководство Фотохроники ТАСС доверило новичку съемку хоккейного чемпионата мира-73, он, вопреки мнению скептиков, вошел в первую пятерку отечественных репортеров, объяснив свои профессиональные успехи: «У нас на Кавказе сильный человек всегда в почете. Наверно, поэтому меня привлекает силовая борьба – противоборство мускулов, воли, ума!»

Так говорил Александр Сааков, чьи снимки живут и пользуются успехом на выставках, как тысячи других его героев, шагнувших за пределы Грузии. Как девять сааковских шедевров, включенных в постоянную экспозицию Музея фотографии в Бьевре, под Парижем, – портреты Елены Ахвледзиани, Ладо Гудиашвили, Нино Рамишвили, Святослава Рихтера, Арама Хачатуряна, Ноны Гаприндашвили, Элисо Вирсаладзе, гроссмейстеров (Тайманов, Таль, Полугаевский), цветное фото старого Тбилиси.

Мы беседовали, сидя в крохотной квартирке Алика. Событие четвертьвековой давности было отражено в альбоме газетных публикаций об Александре Саакове, в творчестве которого прослеживался новый этап – натюрморты сюрреалистического цикла «Лоскутки сна», увлеченная работа с цветом, загадки которого он решал, изучая Данте.

«Кто автор этой статьи?» – спросили мы одновременно и дружно рассмеялись. Оказалось, я сам.

В последнее время все меньше оставалось поводов для веселья, смеха. Он стойко, до поры до времени, переносил удары судьбы. Спокойно, без надрыва рассказывал, как во время съемки соскользнул с парапета смотровой площадки облюбованной им Метехской скалы отложенный дорогостоящий его «Никон», кувыркнулся в Куру вниз. Это был удар для Алика, которого жизнь не баловала подарками. Не мирясь с потерей, он даже нанял водолазов, которые, увы, возвращались с пустыми руками. Крушение устоев в неузнаваемо изменившемся обществе стало и его личной драмой. Его шедевры оказались ненужными на конкурсах журналистов, в редакциях газет и журналов, куда пришли новые люди со своими критериями и оценками. Гордый по натуре, он какое-то время занялся поденщиной – обучал ремеслу обладателей цифровых камер, открывал им глаза на мир. Радость встречи с прекрасным черпал у друзей, возле книжных полок, примостившись в уголке, уверенно находя любимые строки Данте, Блока, Гейне, Надсона, Апухтина, Моэма. А потом надолго исчезал, вел уединенный образ жизни, не отвечая на телефонные звонки, оставаясь наедине со своей грозной болезнью...

С его неожиданным уходом из жизни, как это, к сожалению, бывало не раз, появились наследники, претендующие на открытие его персональной выставки и даже студии, передачи архива в музей. Это запоздалое внимание к личности большого мастера напомнило мне заключительные строки из превосходной книги Эраста Кузнецова «Пиромани», слова виноторговца Месхишвили: «Где вы были тогда? Если он был великий – почему на него не обратили внимания? Где были ваши глаза?!»

АРСЕН ЕРЕМЯН

АО Теласи снабжает электроэнергией 411 тысяч 500 абонентов г. Тбилиси, из которых 395 тысяч – физические лица, 14 тысяч – коммерческие, а 2500 – бюджетные организации.

С 1 сентября 2003 г. контрольным пакетом компании владеет русский энергохолдинг РАО "ЕЭС РОССИИ", закупивший акции Теласи у корпорации AES. Со дня прихода РАО "ЕЭС РОССИИ" в Грузию в Теласи утвердился эффективный, ориентированный на потребителя стиль управления. По сравнению с предыдущими годами, значительно сократилось число энергоограничений и аварий в столице, повысилась степень надежности электроснабжения.

Для реабилитации электрораспределительной сети г. Тбилиси Теласи осуществляет миллионные инвестиции, направленные на модернизацию электрокабельного хозяйства и систем учета электроэнергии в столице. В 2006 г. компания завершит процесс выноса счетчиков в абонентском секторе г. Тбилиси.

Либеральная тарифная политика Теласи в течение последних трех лет предохраняет тбилисского потребителя от скачкообразных колебаний. Взаимоотношения населения и компании осуществляются в условиях стабильного тарифа на электроэнергию.

Грузия, г. Тбилиси 0154, ул. Ванская, 3
Тел: (995 32) 779 755; (995 32) 779 979; (995 32) 255 211;
Факс: (995 32) 779 981
e-mail: inform@telasi.ge
www.telasi.ge

БАТУМСКИЙ ФИЛИАЛ

BATUMI BRANCH